

ДЭЛИЯ МОР

*ТЕНИ
МУДРЕЦОВ*

Часть вторая

18+

Дэлия Мор

Тени мудрецов. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40122435

SelfPub; 2019

Аннотация

От проблем невозможно спрятаться. Другой мир и чужое светило над головой, но духи Истинных за спиной прежние. Наилию и Дэлии снова угрожает опасность. Как сложится большая игра между "черными" и "белыми"? Получится ли победить, или мудрецы снова вмешаются в расклад? Обложка создана Ольгой Волковой aka Перекресточек с использованием изображений с сайта shutterstock.

Содержание

Глава 1. Заложники	5
Глава 2. Дорога в Северные земли	26
Глава 3. Засада в лагере	50
Глава 4. Ловушка	67
Глава 5. Лейтенант Тезон Тур	83
Глава 6. Сонный плен	102
Глава 7. Три ведьмы	114
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Цикл «Цзы'дариец. Наилий»

Охота на мудрецов

Охота на мудрецов. Неизданное

Игры мудрецов

Тени мудрецов. Часть 1

Тени мудрецов. Часть 2

Глава 1. Заложники

У генерала руки затекли в наручниках, как долго он сидел на стуле посреди спальни в одном из гостевых покоев дворца. Помнится, именно сюда его заселили в первый визит на Эридан. Да, те же малахитовые колонны и тяжелые шторы на окнах. Будто душная ткань могла задержать агрессивное светило планеты. На равнинах Дарии прохладно и ветренно, а дворец короля навечно укутан в шубу из водяного пара. Продукты портятся за мгновение, тело хоть каждые два часа обмывай водой, легче не станет. Пока Таунд не поставил во всех комнатах цзы'дарийские кондиционеры, пар пропитывал каждую мелочь, залезал в самые укромные уголки и развешивал плесень по подвалам. Каменные мешки под дворцом Наилий тоже помнил. Довелось и там сидеть во время осады, лишившей Трура ног. Стойко тогда терпел все тяготы, а теперь бесила любая мелочь.

Постарел, привык к комфорту и генеральским привилегиям. Забыл дневные упражнения «столбиком в лесу» у мастера горного интерната. А ведь сейчас легче, чем стоя на одной ноге, когда другая поднята до полной растяжки. Сидение у стула мягкое, кандалы легкие и никто не зудит над ухом про стратегию войны.

Лицо перестало чесаться, и веки больше не казались отека-

шими. Открывались полностью, значит, действие препарата прошло. Филигранно Публий отмерил дозу, не зря считался гением от медицины. Краснота еще останется, но теперь цзы'дарийского генерала хотя бы можно узнать. Для того тут и сидел безропотно, чтобы вернуть лицо. Часы на стене давно показывали ночь. От храпа пьяных лиеннов у жителей дворца уже должны уши опухнуть, а Рэм так и не принес труп на замену. Плохо. Не похоже на майора. Что-то случилось.

Охрана Таунда забрала рацию, лишив связи, а каплю наушника и микрофон Наилий сам снял, чтобы не провоцировать эридан на детальный обыск. Ничего интересного не найдут, но несколько не самых приятных мгновений обеспечат. Да и вопросы появятся к шрамам на теле. Эридане до сих пор не могли привыкнуть к лишенным возраста лицам цзы'дарийцев. Различали старых и молодых по званию и как раз по количеству шрамов. Диссонанс будет. Разрисованный шрамами, Тиберий как сын генерала на старика не тянул. Наилию повезло, что на поминках с него сорвали только маску. Оставили бы еще Киару в покое.

Сильнее молчания Рэма беспокоила Дэлия. Тысячу раз пожалел, что взял с собой. Вывез с наглухо закрытой Дарии и потащил в самое пекло. Хрупкую, беззащитную, перепуганную. Смотреть не мог, как мучается на жаре в вязаной маске, облизывает пересохшие губы и терпит непосильные для себя нагрузки. Нельзя так издеваться над женщиной. Над сво-

ей женщиной. Её место в особняке среди книг, которые любит, или на синих простынях в спальне. Чем они темнее, тем лучше выглядит кожа оттенка драгоценного фарфора, шелк волос, перламутр на губах. Вирус высушит их до желтизны пергамента и нарисует черную сетку запекшейся крови на щеках. Дэлия умрет, если Рэм не притащит труп проклятого крота и не выпустит генерала из плена.

Руки за спинкой стула скованны, не наделали эридане ошибок. Бойцы пятой армии сами их учили и подсказывали, как механизм наручников защитить от взлома шпилькой. Такая спрятана в манжете военного комбинезона, но Наилей сейчас в гражданских тряпках. Одно радовало – это все же грубый металл, а не напичканные электроникой цыгарицкие браслеты. Большой палец, что ли, вывихнуть, чтобы снять кандалы? Запястья тонкие, чуть-чуть уменьшить диаметр кисти и рука выскользнет. Генерал не успел. Замок в двери щелкнул раньше, чем палец вышел из сустава.

– Тиберий? – тихо позвал Рэм, и следом за ним в открытой двери мелькнула кудрявая голова Трура.

– Куда медика дели?

– Здесь я, – ворчливо отозвался Публий, помогая затащить труп.

Вся троица ввалилась в покои по-хозяйски, не вздрагивая и не озираясь. Значит, погоню не ждали. Во всяком случае, пока во дворце было тихо. Рэм положил на пол тело крота и нырнул за спинку стула, на ходу гремя отмычками.

– Поминки закончились? – спросил генерал, прислушиваясь к щелчкам в замке на кандалах. – Где Киара?

Пришлось повторять, потому что у бойцов вдруг разом отнялись языки. Молчали демоны и прятали глаза. У одного за другим в бессилии опускались плечи, и генерал не выдержал. Рванул руки из жалобно хрустнувших браслетов и одним броском впечатал безопасника в стену:

– Где она?!

Рэм вдохнул чужую ярость, как ядовитый газ без респиратора. На мгновение показалось, что окатит жаром и пошлет в бездну. С первого дня её ненавидел. Орал, что мудрецу не место рядом с генералом. А потом ходил за ней, как за родной дочерью. Неужели не уследил? Мышцы ныли от напряжения, кулак резала ткань скрученной рубашки Рэма, а он будто с другого края галактики ответил:

– Её Рагнар увез. Вместе с Имари. Поезд тронулся с вокзала детской железной дороги. Я не успел, Ваше Превосходство. Готов понести наказание.

Комната вздрогнула и рассыпалась. Адреналиновый жар поднимался из груди, выдавливая капля за каплей все, что мешало ему превращать генетического уродца, выросшего в горном интернате, в того, кто не чувствует боли и не считает убитых. Пламя добралось до лица и отразилось в черных глазах Рэма. Ему тоже жарко, но по другой причине. Кого сейчас видит перед собой вместо командира? Узнаёт ли?

Давно не ходил в бой сам. Боялся, что переступит черту,

отделяющую его от зверя, и станет тем, кого в нем мечтал увидеть Друз, но так и не дождался. С первых рапортов Малха в каждой строчке мерещился хищный оскал охотничьих собак Агриппы и слышался крик его ястребов. «Ты такой же, как я, Наилий. Давно напился крови и хочешь еще». От безумия спасал прикушенный язык, но сейчас зубы дробно стучали друг об друга. Не сбудется страшный сон Дэлии про расстрел. Вселенная другой кошмар выбрала. Его собственный. Видимо, больше понравился.

– Далеко они ушли? – хрипло спросил генерал. – Когда будут в Северных землях?

– Если не останавливаться, то через три дня, – зачастил Рэм, напрягая больные связки. – На ней два маяка, Ваше Превосходство. Аварийный и тот, что я вешал на Киару. Второй скоро исчезнет из системы слежения, радиуса действия не хватит. Однако поезд – это не машина. Он едет строго по рельсам. Значит, с транспортника мы их в любой точке достанем. – Безопасник перевел дух и слизнул пот с верхней губы. Его колотило, Наилий чувствовал, даже когда отпустил. – Маскировка у мудреца – моё почтение, да и сама далеко не дура. Я ошибался, беру свои слова обратно...

– Ты поэтому опоздал? – перебил генерал. – За ней погнался?

– Так точно. Думал, дергаться начнет, отбивать придется, но нет. Сидела тихо и ждала. Молодец, баба. В кандалах она, с мешком на голове. Я по браслетам служанки узнал и мая-

ку. Не достать её было. Двадцать охранников Таунда, кровники, Рагнар, Имари и дети Балии. Маленькие принцы тоже в цепях. Заложники. Иначе, зачем они вождю? Не есть же он их...

Последним словом безопасник подавился. Перегруженные связки не сомкнулись как надо. Адреналин его долбил не меньше, чем генерала. Наказания просил, в бездействии признавался, но что он мог один? Публий и Трур – не бойцы в привычном смысле. Остия с самого начала не брала в расчет, все на Рэме висело. Чудеса творили: вирус выпустили, духа-подселенца подключили, разыграли как по нотам, но везения не хватило. Убить его за это? Нет, конечно.

Охранники Таунда, значит? Вот так он переживал за дочь?

– Я понял, – коротко ответил генерал. – Пусть Дэлия там пока будет, раз сидит тихо. Заодно всех выслушает и рассмотрит. Судя по заложникам, расклад на доске изменился. И эридане в охранниках мне не нравятся. Переодевайте труп, времени мало. Здесь будем ждать Его Величество. Разговор есть.

Рэм кивнул и шагнул к Труру с Публием. Они уже раздевали крота, не дожидаясь специального приказа. Не нужно бойцам группы знать, что генерал до смерти испуган за свою женщину. Пусть думают, что все по плану и под контролем. Дэлия – мудрец, не абы кто.

Да и не одна она там, должны помочь. Сколько духов,

кроме подселенца? Пятеро? Вот пусть успокаивают. Поют в уши, что помощь в пути, отговаривают геройствовать. Иначе, зачем она их кормит? Говорила, что как хозяйка – все для них. Посмотрим. Второй раз уже подвели в самый неподходящий момент. Жаль нельзя Леху рожу разбить, чтобы не кидал больше оккупированное тело на полпути. Что еще могло случиться? Дух виноват. Не сработал главный козырь, не надежен такой способ ведения переговоров. Нужно было кончать Рагнара на церемонии демонстрации чистоты. Зря генерал приказал Труру не трогать вождя лиеннов. И Таунд вывернулся с заложником. Выкупа потребовал, дарлиб чернокожий. Посох в задницу ему, а не выкуп.

Крота нарядили, как на свадьбу, поменяв холодные вещи на теплые, только что снятые с Наилия. Последней одежи вытаскиваю маску. Теперь первенец генерала мёртв, и за него можно спросить с короля. Его Величество не заставил себя долго ждать. Лично пришел полюбоваться на драгоценного заложника.

Появился на пороге и замер, разглядывая генерала и трех его бойцов за спиной. Красноту на лице гримом замазали. Носил его с собой Публий на всякий случай, чтобы синяки и гематомы маскировать. Зато крота вытащили на передний план и даже монету с прощальными словами на лоб положили прямо поверх маски.

Таунд, как рыба, выброшенная на берег, открывал и закрывал рот. Показал рукой на крота и беспомощно огля-

нулся на охранников. Они изображали укрепсооружения и цеплялись за ремни автоматов на груди. Король еще в прошлый раз ныл, что низкорослые цзы'дарийцы рядом с его тронном выглядят несолидно, теперь подобрал телохранителей по вкусу. Жаль в глаза не заглянул. Тупые обезьяны со скоростью реакции, будто после трех глотков Шуи. Такие могут спасти от пули, только если сами случайно под неё попадут. Неповоротливая гора мяса.

– Он мертв? – наконец, выдавил из себя монарх.

– Да, шея сломана, – не стал врать о причине смерти Наилий. – Как так вышло, не хочешь мне объяснить?

– Шутишь? Я только что об этом узнал. Шел познакомиться ближе, кандалы снять. Не очень вежливо получилось, но я такого о твоих бойцах наслушался. Боялся, стены не удержат. Сын ведь. Должен был... Как так вообще, Наилий?

Таунд запинался через слово и раздражающе звенел цепью с амулетами на груди. Перебирал побрякушки, надеясь, что это успокоит. Старая привычка. Теперь главное не передавить со скорбью по фальшивому Тиберию и, напротив, не выглядеть неуместно безразличным.

– Я нарушил хоть одну договоренность? Рагнар поменял невесту и убрался восвояси. Кому понадобилась жизнь заложника?

Король Эридана не умел думать долго и слишком глубоко. Всегда хватался за самый очевидный ответ, тыча пальцем практически наугад. Но сейчас в кого? Заложника убил

Рэм в спальне принцессы, и правда не должна была дойти до ушей короля. Он, конечно, хороший актер, но не настолько, чтобы потеть и плакать по заказу. Недостойные мужчины слезы уже катились из глаз. Удачно, что он так сильно боялся за свою шкуру. Осталось еще немного надавить.

– Говори или я сам начну искать. Ты знаешь, что тогда будет.

Слишком сильно, видимо. Посох перегнулся и сломался.

– Никто его пальцем не трогал! – зашипел король, – Я приказал только в кандалы заковать и всё! Дураков в охране не держу, а посторонних здесь не было. Кроме тебя, кстати. Может ты сам его убил, чтобы Договор получить?

Высокий голос Таунда еще не отзвенел в ушах, когда он сам ужаснулся сказанному. Наилий шагнул вперед и выше поднял голову. Замерли охранники, нутром чуя беду, но не зная, как защитить короля от рассвирепевшего цзы'дарийского генерала.

– Кто. Хотел. Выгнать. Меня. С планеты? Отвечай!

Эридане боялись смерти гораздо больше, чем цзы'дарийцы. Особенно те, кто жил привязанным к богатству, как младенец к материнской груди. И не хотел его терять. Посох терпения короля снова сломался, но на этот раз выгнулся в другую сторону.

– Балия, – шепотом признался Таунд. – Это она зудела мне в ухо, что твои войска только затягивают войну. Мир с Раг-наром принесет больше пользы и сэкономит огромные день-

ги. Что Имари станет королевой, их дети с Рагнармом никогда не пойдут против семьи. Нужно просто дать лиенну то, что он хочет. Северные земли бесплодны, нет смысла за них держаться. Это она договаривалась с Малхом, чтобы он сидел без дела и не разыскивал лиеннов по деревням. Он с ней соглашался. Или нет. Я не помню! Слушал вполуха, меня никогда война не интересовала. Этим всегда ты занимался! – Король заводился, найдя утешение в обвинениях. Перекладывал ответственность и обелял себя мастерски. Еще пара фраз, и останется единственным правым среди врагов, лжецов и предателей. – Зачем вместо себя другого прислал? Видишь, все развалилось? Ваши потери на твоей совести. Прилетел бы сразу рога Одержимому обломать, ничего бы этого не было. А ты дома сидел и баб за титьки щупал. Разбирайся теперь! И за сына своего мне счет не выставляй. Я здесь не при чем!

– Тогда пойдем с твой сестры спросим, – холодно предложил генерал.

Таунд дернулся, как подстреленный, но порыв не успел угаснуть. Король сузил глаза и низко опустил голову. Виновный всегда должен быть, иначе эриданин не умел.

– Пойдем.

Генерал качнулся вперед, а Рэм и Публий привычно встали за спиной. Снайпер будет прикрывать тыл и беречь медика. Легкие «бочки» оставили на всякий случай, от выстрела в упор они не спасут. Да, голова открыта, но криворуким

эриданам в неё еще нужно попасть.

Обезьяны-охранники рванули вперед, забыв про короля. Малограмотные крестьяне с трудом обучались военному ремеслу. Инструкторы на занятиях чуть не плакали от злости и бессилия. Цзы'дарийские маты будущая армия Таунда выучила раньше, чем адаптированные инструкции. Пройдет десять циклов и забудется даже это. Уйдет смысл и останется только внешняя форма. Как культ несуществующих богов, превратившийся в набор бездумно повторяемых действий. Охранники уже идут и не смотрят по сторонам. Просто потому что им сказали, что нужно сопровождать короля. Хоть по одному их снимай, хоть всех разом. Никогда не умели воевать. Не понимали, зачем это нужно.

В покоях Балии на женской половине дворца оказалось шумно. Голос сестры короля проникал сквозь стены и закрытые двери, но разобрать слова не получалось. Биопереводчик выдавал кашу. Таунд, как бы не был раздражен, а все же решил выяснить отношения без посторонних ушей. Жестом прогнал охранников и молча уставился на цзы'дарийцев за спиной генерала.

– Ждите здесь, – тихо приказал Наилий и забрал протянутую Рэмом рацию.

Микрофона не было, разговор безопасник не услышит, но так даже лучше. Признания Балии в предательстве полковника Малха если слушать, то в одиночестве.

– Сестра, позволь войти, – негромко попросил король, и

в покоех мгновенно стихли шум и возня.

В десяти шагах справа открылась дверь, выпуская в коридор вереницу пестрых, как бабочки, служанок. Иногда от многоцветия эриданской одежды рябило в глазах, и выпад с запретом носить военную форму генерал королю еще не простил. Дело не в глупости местной моды. Нужность мелочей, рассованных по карманам комбинезона, по-настоящему начинаешь осознавать только, когда под рукой их нет.

Встречать брата Балия не стала. Постояв минуту, Таунд вошел сам. Покои родственниц короля были закрыты от генерала. Даже цзы'дарийская охрана ютилась в смежных комнатах и не переступала черту женских спален. Балия зло поджала губы, когда увидела постороннего мужчину рядом с братом.

– Ты решил растоптать те заветы предков, что еще соблюдаются в этом королевстве порока?

– Не взывай к целомудрию, тебе не идет, – съязвил в ответ Таунд и пошел через гостиную к одному из двух кресел с высокой спинкой.

Балия жила неожиданно скромно для сестры короля. Всего лишь половина покоев блистала золотом, а вторая оттеняла её деревом и мрамором. У восточной стены в гирляндах живых цветов плескался фонтан. Без служанок здесь было пусто, а зная, что детей Балии забрал Рагнар, еще и неуютно.

Наилий остался на ногах, так как предложения сесты не прозвучало. Стоя он лучше видел припухшие от слез глаза

сестры короля. Был ли Таунд в курсе, что лишился племянников?

– Зачем ты привел генерала? – повысила голос Балия. – Снова хочешь войны с лиеннами? Давно не получал в мешке отрезанных голов тех, кто нам дорог? Никогда от белого сброда не будет добра. Только смерть и отчаяние. Я спрашиваю тебя, что здесь делает генерал Наилий? Он поклялся убраться с планеты. Заложника оставил...

– Заложник мертв, – устало выдохнул Таунд и откинулся на спинку кресла. Кожа у эридан не абсолютно черная. Внутренняя поверхность ладоней и ступни были на несколько тонов светлее. Когда король тер лицо, казалось, что пытается вымазать его в муке. – И я рассказал ему про твою дружбу с Малхом.

Балия зябко повела плечами и сгорбилась. Длинные руки упали, скользнув по шелку платья. Генерал гадал, какая из новостей потрясла её больше? Еще одна смерть во дворце? Пролет с выкупом за Тиберия? Или раскрытая тайна Малха? Последняя вряд ли. Эриданам плевать на внутренние отношения цзы'дарийцев, их субординацию и негласные правила. Члены королевской семьи едва ли различали между собой майора и капитана. Безликий белый сброд в черной форме. Чуть более полезные, чем слуги, но опасно чужие и непонятные.

Военную защиту эридане воспринимали как услугу, за которую нужно платить. А раз так, то клиент всегда прав и точ-

ка. Клиент настолько прав, что мог не считать чужие жизни. Не хотел думать, что в подбитой бронетехнике горели заживо чьи-то отцы и сыновья. Клиент щелкал пальцами и требовал взять город за три дня. Или загнать элитные соединения в засаду, где со всех щелей лиенны поливали огнем из взятого у других цзы'дарийцев оружия. Проданного им за деньги, на которые Баля покупала новые платья. Ела из золотой посуды, сидела на брильянтовом унитазе.

Наилий закрыл глаза и представил, как бьется жила на шее сестры короля в тисках его пальцев. С каким удовольствием он не даст ей вдохнуть, пока на посиневших губах не выступит пена. Язык пришлось прикусить, чтобы не заорать: «Кто кроме Малха помогал тебе, тварь?»

– Тиберий, правда, был вашим сыном?

Голос сестры короля звучал необычно тихо. У Балии будто вырвали позвоночник и оставили стоять, держась за собственное платье. Она вздрагивала от судорог и выглядела почти безумной.

– Да, Ваше Высочество. Моим сыном. Первенцем. Наследником.

– Мне очень жаль, – прошептала она и сложилась, как сложенная кукла.

Рухнула на пол в облако шелка. Таунд вскочил из кресла, но остановился на полпути. Мужчины не выносили женских слез на любой из обследованных планет. Особенно слез матерей, оплакивающих своих и чужих детей.

– Он не вернет их мне, – завывала Балия. – Они не выживут. Ритор, мой мальчик. Лурд. Для этого я растила вас? Ради такой смерти? Он отрежет им головы. Таунд, ты слышишь меня? Твой зять украл моих детей!

«Отрежет головы, отрежет головы», – эхом звучало в ушах, и адреналин снова подкатывал к горлу. Генералу хотелось сказать, что она заслужила такой итог, но язык не поворачивался. Значило ли похищение то, что с Рагнаром сестру короля ничего не связывало? Кто тогда был посредником между цзы'дарийцами и лиеннами? Неужели кто-то из офицеров Малха? В любом случае сейчас это знала только Балия и своей истерикой срывала допрос.

– Ваше Высочество, – обратился к ней Наилий, пока Таунд зеркально отражал эмоции сестры и был совершенно бесполезен. – Принцев можно вернуть...

– Только заключить Договор и поручить это вам? – взвилась Балия. – Вы можете думать о чем-то другом? Вашего сына убили! Вы знаете кто?

Она, шатаясь, поднялась на ноги и уже больше не сводила взгляда с генерала. Не кричала, а лаяла, как больная бешенством собака. Чудо удерживало её на месте.

– Зато я знаю! Это Рагнар решил отомстить за смерть своих братьев. Он и моих детей забрал поэтому. Сказал, что счет жизнью еще не в его пользу, но он будет стараться. Они теперь – залог расположения эридан. Никого преследования, поисков, военных операций. Если хотя бы пылинка упадет с

лиеннов на пути в Северные земли, мои дети умрут. Наилий, я вам лично горло перегрызу, если вы сунетесь к Одержимому. Никакого Договора! Не хотите домой – сидите здесь, но ничего не делаете, вам ясно?

– Как сидел полковник Малх? – сухо спросил генерал. Истерика Балии пролетела мимо словно сбитая с курса ракета. Наилий не шевелился и почти не дышал, но голос звучал удивительно чисто и ровно: – Прошло время, когда эридане ставили условия. Теперь вы сделаете так, как мне нужно, или действительно останетесь без детей. Полковник Малх случайно забыл здесь свои войска. Вы скажете, где они и как связаны с лиеннами. Кто продавал оружие Одержимому, и в чей эриданский карман стекалась прибыль?

Балия шагнула к генералу, выпрямившись во весь рост. На голову выше цзы'дарийского полководца, она с удовольствием закрыла его своей тенью.

– Катитесь в бездну, Ваше Превосходство.

За спиной нервно рассмеялся Таунд. Не вовремя из Балии полезла гордыня. Рассчитывала на других союзников? Решила, что верные Малху войска вытащат её детей из Северных земель без участия генерала? Что если именно об этом они договорились, а похищение принцев – инсценировка с целью связать примчавшегося за родиём Наилия по рукам и ногам? Продуманный ход. Рагнар помог Балии, а взамен получил в жены ту принцессу, на которую рассчитывал изначально.

– Хорошо, – пожал плечами Наилий. – Я забуду про ва-

ших детей в плену. Через три клепсидры на орбиту планеты встанет цзы'дарийский транспортник, и тяжелые бомбардировщики доставят столько бомб в Северные земли, что от Рагнара и еще живых кровников даже пыли не останется. Я потерял сына и хочу мстить.

Эридане не умели бледнеть. Кровь отливала от лица, но тон кожи не менялся. Балия мяла в кулаках дорогой шелк платья и молчала. Три клепсидры тянулись чуть дольше восьми часов. Поезд не успеет добраться до пункта назначения, но бомбардировщики это не остановит. Даже если сестра короля сейчас прикажет убить генерала, принцев не спасет. Выхода у неё не было. Конечно, если итог всей операции по расторжению Договора с Наилием она не ставила выше жизни детей. Или её запугали так, что своя жизнь дороже.

– Можете мстить, – с дрожью в голосе ответила сестра короля. – Я не в силах вас удержать или отговорить. Можете даже гордо исчезнуть с планеты, разбомбив здесь все, но тогда останетесь без родия. Да, Ваше Превосходство, я знаю, зачем вам Договор на самом деле.

– Ого. Не слабо, – присвистнул Таунд. – Что еще за родий, Наилий?

Генерал щелкнул языком и склонил голову на бок. Сотрудничество Балии с Малхом оказалось глубже, чем он предполагал. Полковника по возвращению на Дарию стоило отдать под трибунал еще и за разглашение тайны родия. Крепко он здесь окопался, корни решил пустить. Успел ли

рассказать союзнице про острую нехватку редкого металла, необходимого для работы установок телепортации? Наилий даже Дэлии не признался, чем грозил провал на Эридане. Вся Дария верила, что генерала можно поменять, только убив на поединке, но был еще один способ. Если хозяин одного из секторов окажется не в состоянии обеспечивать свои легионы работой, а гражданское население ресурсами, приобретенными на доходы от военных кампаний, то Совет генералов мог приговорить его к казни. И поскольку не было поединка и победителя, то нового генерала из числа полковников выбирал все тот же Совет.

Наилий был слишком хорош с посохом в руках. Семь последних циклов ни одного вызова на поединок. Пятая армия давно верила, что его скорее убьют в бою, чем на красном ковре. А Малх тем более был больше командиром, чем бойцом. Посох на поясе носил для красоты и потому что всем офицерам положено. Смертный приговор Совета – его единственный шанс претендовать на погоны генерала. Кто ему обещал помощь с голосами на Совете, Наилий на Дарии разберется. Хоть и стучалось в сознание давно знакомое имя Друза Агриппы Гора, но торопиться не стоило. Домой еще нужно вернуться.

– Родий добывают в шахтах лиенны, – ответил Наилий на вопрос короля. – А ты потом продаешь нам его.

– Задешево? – прищурился Таунд, а Балия кивнула:

– Практически бесплатно. Хотя стоит он в сто раз дороже.

С потолка цифру взяла. Только что придумала. Но зацепившийся за родий, Таунд теперь своей выгоды не упустит. Раз не получилось обогатиться на выкупе за заложника, будет давить здесь.

– Наилий, ты бесчестный засранец, – воспрял духом король. – То-то присосался к нам, не оторвешь. Сказал бы сразу – дело быстрее пошло. На новой цене сговоримся, и старые условия сотрудничества можно заново рассмотреть.

– И в бездну племянников? А заодно и твою дочь?

Настроение короля менялось быстрее, чем исчезала еда в тарелках голодных кадетов. От радостного оживления обратно к испугу:

– А что не так с моей дочерью?

Не сообщили еще? Занятно. И как ему теперь объяснять? Одно из условий Наилий не выполнил. Позволил Рагнару увести Имари вместо Ламии. Но король не знал тонкостей подселения духа в вождя лиеннов. Зато рядом стояла его сестра, заинтересованная в помощи Малха.

– Рагнар забрал Имари в Северные земли. Но подожди кипятиться. Вряд ли ты знаешь то, что знаю я. Вместо Одержимого она достанется полковнику Малху. Ради этого твоя сестра помогла посадить принцессу на поезд.

Нервы у Таунда сдавали. Подходил момент, когда способность четко мыслить и принимать обдуманнные решения должна встать на паузу. Потом только эмоциональные качели и резкие выпады. У брата давно не ладилось с сестрой,

а теперь противостояние поднималось на еще одну ступень выше.

– Балия. А я думал, что это ты спишь с Малхом, – фыркнул король. – Не стала мараться об белый сброд? Побрезговала? Вместо себя дочь мою захотела подложить?

– Таунд, давай не будем. Не здесь. Не при посторонних.

– А ты мне рот не затыкай! Кто дал тебе право распоряжаться судьбой Имари? Королевством? Ты на трон не сядешь, даже если вся наша семья передохнет! И ни один полковник, генерал и вождь тебе не поможет! Охрана! В кандалы её! Бегом я сказал!

От крика короля, как от удара взрывной волны, распахнулась дверь. Охранники с готовностью бросились к Балии, но заламывать ей руки не решились. Так и замерли с открытыми ртами, не зная, как арестовывать сестру короля.

– Ай, просто уведите её! – рявкнул Таунд. – Пусть сидит у себя в спальне и нос оттуда не высовывает. Увижу её во дворце, вы сами сядете. Ну!

– Я не хотела горя для Имари, – прошипела Балия, гордо вскинув голову. – Ты пожалеешь, что поверил не мне, а чужаку из космоса. Сама пойду, руки уберите.

Какому именно чужаку она не уточнила. Дверь спальни захлопнулась за её спиной, и обезьяноподобные охранники синхронно подперли косяки плечами.

– Я же говорил, что твой хлыщ прилизанный ни с чем тут не справлялся, – тихо пробормотал король. – Еще и на дочь

мою засматривался. Сам его отковыряешь из той дыры, где он прячется, помощь даже предлагать не буду. Наш прежний уговор в силе. Родий так уж и быть позже обсудим. Верни Имари во дворец и получишь Договор. К Балии, извини, не пущу. Знаю я твоих спецов по допросам. Она мне все еще сестра.

– Хорошо, – ответил сразу на всё Наилий.

Глава 2. Дорога в Северные земли

Во мне живут мои дети. Два крошечных эмбриона, похожих на головастиков. Мальчик и девочка. Пятый и шестой духи, прорвавшие плотную оболочку сна и воплотившиеся в живых существ. До сих пор не могу поверить, что они все время были со мной.

«А если бы я осталась на Дарии и отказалась убирать барьер, что тогда?»

«Они бы ждали, госпожа, – отвечает Лех. – Десять, двадцать, тридцать циклов. Сколько бы потребовалось».

«Так и пришли бы вдвоем? Одновременно?»

«Нет. Не обязательно».

«А новых духов нет?»

«Нет. Мы остались вчетвером. Юрао. Инсум, я и Кукловод»

«Значит, у меня больше не будет детей?»

Лех молчит. Не знает или не хочет говорить. Красные равнины Эридана тянутся за окном вагона тоской и отчаянием. Если я потеряю сына и дочь, то навсегда останусь одна.

С детства не каталась на поездах. Забыла уже, как убаюкивает мерный перестук колес, и тянет в сон от монотонной панорамы за окном. Все становится узким и длинным, как натянутые провода: дороги, лесополосы, облака. В ваго-

не пахнет травяным отваром и свежим печеньем. Его разносят в плетеных корзинках дариссы-проводницы. Сейчас закрою глаза и мама скажет: «Спи, Веста». А я упрямо пробормочу, что еще не все «чухчухи» пересчитала.

Мама отдала меня в психиатрическую клинику, а поезд нес по рельсам чужой планеты. Пора просыпаться.

Рагнар посадил нас с принцессой в королевский люкс, а сам ушел в соседние вагоны раздавать указания. Кроме пьяных кровников нас сопровождают два десятка лиеннов, и где-то в соседнем купе спят маленькие принцы. В составе пять вагонов, включая два грузовых и вагон-ресторан. Поезд делали для членов королевской семьи, поэтому сию я на красной коже, облакачиваюсь на столешницу из благородного дерева и куда не поверну голову, натыкаюсь взглядом на уже надоевшее золото. Роскошнее тюрьмы в жизни не видела. И цзы'дарийская благодарность похитителям едет с нами в одном вагоне.

Таблетку антивируса проглатываю сразу, как только мне развязывают руки. Принцесса косится на столь экстренный прием медикаментов, но молчит. Она вообще выглядит подозрительно сосредоточенной, будто задумала пакость и ждет удобный момент.

Сколько раз её уже предавали? Малх с любовью, отец со свадьбой, Наилий со свободой от Рагнара и родная тетя. Меньше чем за месяц принцесса потеряла всех, кому могла верить. Мудрецы от такого срываются в кризис, а правители

только ровнее держат спину.

— Мне Киарой вас называть? — вдруг спрашивает Имари, тронув за плечо. — Или скажете настоящее имя?

Отрицательно мотаю головой и нервно ерзаю на сидении. Приходится скрывать голос из страха, что принцесса узнает Тиберия. Даже новость о цзы'дарийском кроте под платьем служанки не так опасна, как тайна беременной любовницы генерала.

— Ладно, не хотите, как хотите, это не важно, — пожимает плечами Имари и продолжает допрос. — Как вы договорились с матерью Рагнара? Она терпеть вас не могла, прогоняла и не хотела видеть. А тут вдруг подтвердила легенду. Беременна. Ловко. Балия давно продалась всем подряд, лишь бы выгоду иметь. Она меня не удивила, но старая ведьма... Как? Признавайтесь!

Жестами такое не объяснить. Я сама не до конца понимаю мотивы слуги Низших. Она настояла, чтобы Рагнар взял меня в Северные земли. Твердила что-то о пророчестве и трех ведьмах. Одно пророчество уже загнало меня в военную форму и под чужое имя. Сейчас вряд ли будет принципиально по-другому. Радует, что теперь я изображаю женщину, а не мужчину. Это намного легче.

«Военная тайна», — показываю ответ пальцами и прячу руки за спину, намекая, что разговор окончен.

Но принцесса не собирается оставлять крота в покое. Ее жгучее любопытство густо замешено на подозрительности.

– Я не враг цзы’дарийцам, но за просто так вашу тайну хранить не собираюсь, – с нажимом в голосе заявляет Имари. – Раз уж все торгуются, то и я хочу. Вы рассказываете кто здесь на чьей стороне, я молчу, что вы – мужчина в платье.

Шантаж, как он есть. Я испуганно оборачиваюсь на закрытые двери купе. Достаточно ли они толстые? Перебивает ли голос принцессы перестук колес? До прослушки Рэма лиеннам, как до Дарии пешком, но это королевский поезд. Его могли начинить цзы’дарийской аппаратурой задолго до выходки Рагнара с похищением и побегом. Принцесса наклоняется ко мне через узкий проход между сидениями и смотрит в глаза. Ждет с такой надеждой, будто её жизнь зависит не от самодурства Одержимого, а от моего ответа. Я не настоящий крот и не знаю, что говорить.

«Лех?»

«Правду, госпожа. Иначе вы расположения принцессы не добьетесь. Она сейчас готова вцепиться в любого союзника, лишь бы больше не предавали. Обманывать опасно».

«Но можно ли ей доверять?» После фокусов Таунда и Балии эридане – последние живые существа в галактике, к кому я соглашусь повернуться спиной.

«Вам придется, госпожа. Если полковник успеет спасти принцессу раньше генерала, то Имари должна захотеть взять вас с собой. Тиберий по-прежнему ценный заложник. В том числе для Малха. Добровольно полковник под трибунал не пойдет. Захочет договориться. Ваша жизнь для Наилия мно-

го значит».

И это пугает. Я помню, как он рванул за мной в четвертый сектор прямо в руки к Агриппе и его бойцам. На Эридане еще есть шанс решить проблему с родиём дипломатическим путем. Я не хочу, чтобы генерал отдал приказ накрыть огнем из космоса дворец короля или шахты лиеннов. Я в очередной раз сглупила, послушав Балию и отправившись за ней к Имари. Мне и выкручиваться. По крайней мере, пока. Правды у меня много, маленьким кусочком могу поделиться.

– Я такой же заложник как вы, нэлла, – говорю вслух шиплым от долгого молчания голосом. Кашлю и повторяю, четко выговаривая каждое слово: – Заново представляться бессмысленно, я слишком долго был вашим охранником.

Имари распахивает глаза и закрывает рот рукой. Вовремя. Из моего имени успевает произнести только первый слог, но быстро соображает, что нельзя. Я снова перехожу на жесты и показываю: «Тише. Успокойтесь». Молоденькие нэллы и дариссы не умеют хранить секреты долго. Я тому самое лучшее подтверждение. Но, надеюсь, Имари хватит терпения не заложить меня через час после того, как узнала правду. Тогда Рагнар точно полезет проверять, как мог сын генерала оказаться беременным двойней. Одержимый верит матери без малейшего сомнения.

Принцесса шокировано переводит взгляд с амсы, болтающейся у меня на груди, на плоский живот. Амулет я теперь ношу поверх одежды, чтобы лиенны забывали о соблазне об-

лапать чернокожую служанку, едва увидев мой новый статус. Но Имари думает о другом:

«Ты тоже крот?» – показывает жестами, и я впервые за долгое время улыбаюсь.

Не сказала вслух, побоялась выдать. Хороший знак.

«Нет, я прячусь, – рисую пальцами ответ. – Случайно получилось».

Имари хмурится до излома морщин на переносице. Не могу понять, что её смущает, она сама спрашивает:

«Кто был в маске тогда?»

Сказать или нет? Наилую информация уже не повредит. За окном день. Генерал не может до сих пор изображать пленника. Сидеть во дворце и ничего не делать. Не в его характере. Лишь бы жив остался. Но я приказала себе не думать о худшем. Отчаянное желание уйти в бездну вслед за ним пропало, когда я узнала о детях. Теперь не имею права.

«Другой, – отвечаю нейтрально и добавляю. – Военная тайна».

Имари кивает и закрывает глаза. Морщины разглаживаются. Принцесса расслабленно сползает по спинке сидения и, кажется, готова рассмеяться. Не пойму по мимике.

– Я в детстве удивлялась, почему не Наола мой отец, – принцесса признается шепотом, хотя вряд ли лиенны знают прозвище Наилия. – Весь такой строгий и серьезный с охранниками, а ко мне ласковый. Не то, что настоящий отец. Он командовал и приказывал всегда. «Имари стой, сиди, не хо-

ди туда. Имари нельзя». Я мечтала, чтобы они поменялись местами. Пожалела об этом, когда про заложника объявили. Как низко тогда Наола упал в моих глазах. Думала, никогда не прощу. А он вот так поступил. Красиво. Еще и ко мне тебя прислал.

Прикусываю язык, чтобы не ляпнуть правду. Удачно Имари приняла мой промах за генеральскую заботу о себе. Не соображу пока, что из этого можно выкрутить, но такой нюанс позже точно пригодится. Если получится вернуть принцессу во дворец, она спокойно припишет подвиг Наилию, и надеюсь, будет благодарна.

– И все-таки как ты оказался... – принцесса запинаясь и поправляет себя. – Оказалась беременной? И как будешь здесь в дороге? Тошнота, рвота, живот?

– Справлюсь. Меня подготовили.

Имари снова округляет глаза, рисует руками в воздухе огромную грудь и складывает из пальцев слово «фальшивка». Ой, нет, принцесса, все натуральное. Хоть и крошечное, а моё. Но рядовой Тиберий обязан в ответ показать жестом «да». Дочь короля хихикает, как маленькая девочка, и хорошеет от смущения. Пусть. Меня не задевает.

В одиночестве мы сидим недолго. Замок с щелчком открывается, и дверь съезжает в сторону. Одержимый едва помещается в проеме – настолько высок ростом. Экономии пространство цзы'дарийские конструкторы поезда, не рассчитывали на вождя лиеннов.

– Все кости мне перемыли? – щурится Рагнар, и принцесса немедленно уходит в глухую оборону.

Закрытая поза, взгляд в сторону и полный равнодушия голос:

– Я не дружу со служанками.

– Вы ими распоряжаетесь, как вещами.

«Живой мебелью», – мысленно добавляю я и делаю вид, что увлечена равниной за окном. Не очень приятно слушать, как выясняют отношения те, кто должен делить одну постель, но уйти я не могу. Тем более, если хочу вернуть принцессу отцу, то должна сидеть здесь. В отличие от эриданки, вождь лиеннов служанок мебелью никогда не считал. Постесняется брать жену, как мужчина, у меня на глазах.

– У нас так принято, – выговаривает сквозь зубы Имари. – Никто не вытирает о слуг ноги, но они должны знать свое место. И быть благодарными, что могут находиться рядом с королевской семьей. Не каждому дана такая честь.

– Мыть после вас ночной горшок? – усмехается вождь. – Или менять вам тряпки, пропитанные кровью? У вас уже есть течка, нэлла?

В отражении на стекле я вижу, как передергивает Имари. Грубо очень, будто принцесса – животное. Но, возможно, у лиеннов так принято. Раз уж принцесса хочет, чтобы уважали её обычаи, то не стоит пренебрегать чужими.

– Зачем вам это знать?

– Глупый вопрос. – Одержимый входит в купе, но дверь

оставляет открытой. Места так мало, что он протискивается к окну и встает между мной и Имари. – Я не собираюсь ходить вокруг вас годами. Мне нужен наследник. Так вы созрели или нет?

Жду, что принцесса вздернет подбородок и жестко ответит «нет». В шестнадцать циклов она вполне может оставаться ребенком, и проверить это сложнее, чем невинность. Тут даже способности матери-ведьмы не помогут. Придется Рагнару потерпеть от нескольких дней до нескольких недель. Смотря на какой точке периода сейчас Имари. А в истерике регулярное кровотечение иногда задерживается или вовсе пропадает на несколько месяцев. У меня так было в психиатрической клинике. Имари вправе соврать, но будет ли? Я подсказываю жестом «нет». Не созрела. А она не видит.

– Да. Иначе отец не отдал бы меня замуж, – подписывает себе приговор принцесса, но ей этого мало. Сжимает кулаки и, затапливая купе ароматом розового масла, бездумно бьет словами: – Я клялась себе, что скорее умру, чем достанусь вам, но передумала. Вы можете взять меня силой, заставить рожать от вас детей, но никогда. Слышите? Никогда я не люблю вас!

Дура. Я отворачиваюсь сильнее и стискиваю зубы до скрежета. Любить Рагнар будет кого угодно, но не её. Навязанная жена поперек воли и собственных чувств. Обуза со скверным характером. Высокомерная, злая и агрессивная. Её ломать хочется, а не любить. Задавить, чтобы больше ни одно-

го слова поперек не сказала. Разбить, уничтожить, как противника в бою. И чем сильнее она будет страдать, тем больше удовольствия получит Рагнар. Бездна, лучше бы Имари опозорили на церемонии демонстрации чистоты, и она сейчас рубила тростник, дожидаясь бойцов Малха. Но тогда она бы тоже успела сломаться. А сломанным женщинам никто не нужен. Ни одержимый вождь, ни полковник-предатель, ни они сами.

– Что вы молчите? – кричит Имари. – Убирайтесь из купе!

Розовое масло мешается с запахом жженой резины. В битве двух правителей юной нэлле не выстоять. Рагнар не давит в полную силу, но ей хватает. Аромат масла превращается в едва различимый сквозняк и выветривается из поезда через приоткрытое окно.

– Не смей мне приказывать, женщина, – так тихо говорит вождь, что вздрагиваю даже я. Не вижу, что он делает из-за широкой спины, но слышу тонкий писк и шорох ткани. – Ты – моя собственность и я буду делать с тобой все, что захочу. Прямо сейчас.

Драться в тесном купе бессмысленно, но у принцессы нет выбора. И у меня тоже, если честно. Рагнар рвет на Имари платье, не обращая внимания на удары по голове и плечам. Молча, безразлично, неотвратимо. Эриданка уже заработала ночных кошмаров до конца жизни, но тот, кого назвали её мужем, только начал.

Рагнар, разобравшись с тряпками, подбрасывает Имари

выше и заставляет обнять себя голыми ногами. Она не кричит, а хнычет, как маленький ребенок. Только они так умеют, что все внутри переворачивается. До того, как станет поздно помогать, несколько мгновений и единственный шанс. Я запрыгиваю на сидение и хватаю вождя лиеннов за шею. В бездну разницу в уровне духов, точные формулировки и разглядывание привязок. «Лех, просто выгони его отсюда! Я приказываю тебе!»

Никогда не чувствовала, как он уходит. Даже пустоты в голове не становилось больше. А сейчас не происходит ничего. Рагнар так же держит Имари и пытается сбросить меня со спины. Зверь, одержимый жаждой крови. Медведь. Сидения в купе трещат, позолота ломается, он расшвыривает нас в стороны, как обнаглевших шакалов, пытавшихся перекусить хребет. От ударов тело горит, будущих синяков не считать, а на меня сверху падает Имари.

– Иди сюда, ведьма! – ревет Рагнар, но хватает не эриданку, а меня. – Я знал, что это ты!

Из-под бортика сидения вырывает, чуть не оставив без руки. Ссадин через ткань не получу, белое тело никто не увидит, а живот я давно прикрываю и прошу прощения у своих детей. Милые, родные, не могла я по-другому. Чтоб у меня на глазах насиловали женщину? Нет!

Но Рагнар даже не смотрит на жену. Тяжело дышит мне в лицо и шепчет:

– Проглотила наживку, дура? В прошлый раз бросилась и

теперь не утерпела. Мама! Вот твоя черная ведьма!

Последние слова Рагнар выкрикивает в дверь купе. От шока я не понимаю, о чем речь. Упираюсь в грудь лиенна руками и боюсь, что мои фальшивые волосы в его кулаке оторвутся. Какое счастье, что надела тонкие штаны. Сколько раз в этой возне задралась юбка?

«Лех, что случилось? Физического контакта – ведрами пей, привязка жаром обдаёт».

«Не могу, госпожа. Как об стену бьюсь. Не по зубам мне лиенн без помощи генерала».

Теперь я хнычу и дергаюсь совсем, как Имари, недавно, но она не спешит заступаться. В купе не войти, мы втроем занимаем его полностью, и голос матери Рагнара звучит из коридора:

– Отпусти её, сын. Тяжела она. Детей погубишь.

– Я сам из неё этих выродков достану!

– Нет, я сказала! – повышает голос лиенника. – Отпусти. Она нужна целая и здоровая.

Рагнар подчиняется. Усаживает меня на сидение, надавив на плечи. Чувствую, как парик отрывается от линии роста волос на затылке, но тяжелая копна падает раньше, чем кто-то успевает заметить. Черная ведьма – это они про меня?

– Помог амулет, – выдыхает Рагнар и достает из выреза рубашки бесформенную деревяшку на шнурке. – Снова поплыл, как тогда. Думал рухну, но нет. Что делать с ней будем?

Он все еще кивает на меня, забыв про Имари. Принцесса ничего не понимает, но молчит. Кутает грудь в лоскуты разорванного платья. Мне почти не обидно, что не помогла. Она уверена, что Тиберий – мужчина. Значит, сам прекрасно справится. Знала бы чем рискую...

Ох, нет, глупо ждать благодарности. Я сама бросилась спасать, никто в спину не толкал. От момента, когда согласилась стать телохранителем, до спектакля в купе. Будто с самого начала кто-то вел на поводке в ловушку. Я боялась, что увидят Тиберия, узнают в нем любовницу генерала, но сбылся худший кошмар. Рагнар нашел Медиума.

Фантазии не хватает представить, как захочет использовать меня под угрозой подстроить выкидыш или сделать аборт. Его мать не зря повторяет, что я беременна. Впервые я рада, что слишком слаба, чтобы серьезно навредить. Без способностей Наилия мои не стоят ничего. Лех только что подтвердил. Но как доказать это Рагнару? Он смотрит на меня внимательнее, чем на украденное у цзы'дарийцев оружие массового поражения.

– С ней ничего делать нельзя, – жестко отвечает лиеннка. – В пророчестве сказано, что перед концом мира придут три ведьма. Черная, белая и последняя. Последняя – я. Черную ты поймал. Ждем белую. Её нужно убить.

Да, еще одно пророчество. То, что записала в стихах Поэтесса, не убило меня, а это может справиться. Не Расскажи Лех о силе матери Рагнара, я бы отмахнулась. Мало ли бре-

да напрозорчили самозванцы-колдуны во всех мирах? Единичам дано, как Поэтессе, видеть намерения Истинных. Только их предсказания сбываются. Последняя ведьма – ремесленник, а не мудрец. Но она связана с Низшими. Бездна, я не разберусь сама.

«Лех?»

«Мне нельзя отвечать».

Со стоном ругаюсь сквозь зубы и сползаю по спинке сидения вниз. Ушибы болят, под слоями ткани и силикона жарко до отвращения. Влага хлюпает в печатках. Лишь бы контейнер с таблетками и аварийный маяк не пострадали. Проклятье, я, кажется, знаю, о каком конце мира идет речь! Цзы'дарийский вирус. Только я не черная ведьма, а белая. И если меня разденут, то очень быстро это поймут. Нет! Нет! Нет!

– Беременная, беременная, – ворчит Одержимый и теребит густую бороду. – Ты сказала у неё двойня. Один ребенок девочка.

– Она родится черной, – напоминает его мать. – Ты не сможешь отбелить ей кожу. Наберись терпения, сын. Она – не та, кого ты ищешь.

Но вождь лиеннов упрямее Юрао, когда он пытается меня от чего-нибудь защитить.

– Отбелить кожу нельзя, но смешать кровь можно. Небесный сброд не брезговал служанками, я знаю. В её утробе цзы'дарийские выродки!

Каждое слово, будто на части режет. Сжимаюсь все силь-

нее и ничего не могу сделать. В детстве я играла в прятки и часто слышала голоса тех, кто ходил в двух шагах от меня. Еще верила, что не найдут, но звук становился все громче. И вот на плечо ложилась рука, и со смехом звучало: «Туки-туки, Веста. Ты раскрыта».

– Цзы’дарийцы бесплодны, – громко объявляет Имари. – По крайней мере, здесь. Каждый делает укол, и никто от них забеременеть не может. Небесный сброд кровь не мешает. Вы ошиблись, вождь.

Много ей рассказал Малх. Каждый боец перед посадкой в десантную капсулу еще на Дарии делает укол препарата временной стерилизации. Промахов не бывает. Есть маленькие исключения вроде очень занятого генерала и его не слишком аккуратного в исполнении инструкций медика. Я готова выдохнуть с облегчением, но Рагнар поднимает Имари на смех:

– Что за чушь вы несете? Еще скажите – у них так принято.

– У них Инструкция, – холодно отвечает принцесса. – Она выше обычаев, желаний, лени и злого умысла. Ни одна женщина на планете не понесла от цзы’дарийца. За это положен трибунал.

Напряжение никак не хочет отпускать, не смотря на попытку спасти меня. Имари говорит правду, которую не может знать избалованная эриданская принцесса. К бывшим охранникам королевская семья относится так же, как к слугам. Они едва ли нас по лицам различают. А за что отпра-

ляют под трибунал, даже я до недавнего времени не знала.

От Рагнара снова пахнет жженой резиной. Он словно сам чувствует фантомный запах, раздувая ноздри и низко наклоняясь к эриданке:

– Будь я глупым мальчишкой, взбесился бы от ревности и выбил признание, откуда в вашей голове такие шокирующие истины? Но я не стану. Их легко проверить. Не только вы общались с небесным сбродом, принцесса. Никуда они с планеты не делись. Все так же ходят по шахтам и гоняют мой изможденный народ. Доберемся до Северных земель – спросим.

«Вот и разгадка неучтенных войск, госпожа», – усмехается вместо меня Лех.

Вождь лиеннов разворачивает к выходу из купе и жестом зовет за собой мать. А у меня сил не хватает обдумывать услышанное.

– Воды, – слабо прошу принцессу и падаю на сидение.

Из темноты выдергивает плач ребенка. Назойливый, раздражающий. Создатель говорил, что природа специально создала его таким невыносимым. Иначе матери забывали бы кормить детей. Еще бы. По ушам режет и заставляет сжиматься в комок. Кто-нибудь выключите его! Успокойте! Да что же он плачет?

– Киара? – тонко зовет Имари и прикладывает холодную ладонь ко лбу. – Тебе нужно раздеться, тепловой удар будет. Я расстегну платье.

– Нет, – слабо отвечаю и не узнаю собственный голос. – Нельзя. Воды. Ребенок. Кто плачет?

– Не знаю, – распахивает глаза эриданская принцесса.

Кудри выбились из прически и окружают лицо темным ореолом. Мать Рагнара назвала меня черной ведьмой. Она ошиблась. Черная здесь Имари. Темная. Мысли не собрать. В голове все время плачет младенец. Да прекратите же!

– Воды.

– У меня нет, – шепчет принцесса и снова гладит по лицу. Силикон притупляет ощущения, но мне легче. – И ребенка здесь нет. Киара, вставай. Пожалуйста, мне страшно одной.

Дети есть. Во мне двое, и где-то рядом сыновья Балии. Они кричали?

«Никто не кричал. У вас галлюцинации, госпожа», – отвечает Лех.

Он тоже, наверное, галлюцинация. Энергию взять негде, много ушло на подселение, но я до сих пор слышу голос духа. И говорит он ужасные вещи. Галлюцинации. Настоящие, а не слова пришедших из-за барьера духов. У меня тепловой удар? Раздеваться нельзя. Нельзя.

– Рагнар снова придет, – причитает Имари. – Не оставит меня в покое. Киара, я ничего не понимаю. Какие ведьмы? Что цзы’дарийцы делают в шахтах? Киара!

Не вижу её и себя почти не чувствую. Тело, будто чужое. Так бывает после наркоза, но я всего лишь упала в обморок. Во рту сухо. Язык прилипает к небу.

«И что твой Наилий? – стонет Юрао. – Где носят местные демоны проклятого генерала? Вечер за окном, а транспортник еще утром должен был встать на орбиту».

«Значит, его там нет, – отвечает Инсум. – Угомонись. Истерика делает только хуже».

«А если он мертв? А если нас никто не спасет?»

«Замолчи!»

Духи ругаются. Давно их не слышала. Все-таки забрала энергию похоти у Рагнара, не прошла даром попытка подселения. Открываю глаза и вместо лица Имари вижу темно-фиолетовое небо за окном. Действительно вечер. Наилия нет. Десантных капсул с цзы'дарийскими бойцами тоже нет. А поезд все так же грохочет по рельсам, и Северные земли близко.

– Кольцо, – приходит в голову шальная мысль и высказывается вслух. – У вас есть золотое кольцо, Ваше Высочество?
– Н-нет, есть сережки.

Сбитая с толку вопросом принцесса отвечает не сразу. Еще дольше дергает мочку уха с увесистой каплей чистого золота. Надеюсь, на Эридане оно без примесей. Средство общения с миром за барьером должно быть из натуральных материалов. Еще нужен шнурок из шерсти или хлопка. Сниму амсу, тонкая кожа тоже подойдет. Раз Кукловод не хочет го-

ворить со мной, как остальные духи, значит, зайдём с другой стороны. Маятник двадцать циклов общается с жителями мира за барьером, раскачивая каплю воска над листом бумаги. Если ему отвечают, то и мои вопросы услышат.

– Помогите сесть, – прошу Имари и негнушными пальцами сбиваю с её ладони сережку. Не получилось взять.

– Я подниму, – успокаивает принцесса. – Киара, обопрись на меня. Так зачем кольцо?

– Ведьма я, – шепчу в ответ и пытаюсь улыбнуться. Высохшие губы болезненно трескаются, и на кончике языка остаётся медный привкус. – Колдовать буду.

Лех не видит чужих духов, сидя в моем теле, но Кукловод у нас с Наилием общий. Он обязан чувствовать обоих. Если мой мужчина мертв, я должна знать.

Листа бумаги нет, но без него можно обойтись. Маятник чертил диаграмму стандартных ответов, а меня сейчас устроят два простых. «Да» и «нет». Сережка может качаться вперед-назад, вправо-влево. Эти движения и будут ответами.

«Лех, какие правила? К кому мне обращаться? Как понять, что отвечает именно Кукловод, а не кто-то другой?»

«Нет правил. Спросите сначала то, что знаете только вы с ним».

Легко сказать. Кукловод проснулся недавно и все, что сделал – притащил меня в руки к Рагнару. Вернее, к его матери, считающей меня частью пророчества. Сколько циклов, на самом деле, готовилось то, что происходит сейчас? По-

водок так туго затянут, что не вырваться. Я уже и не хочу. Пусть Кукловод скажет, что с Наилием.

«Кукловод, ты слышишь меня?»

Имари с любопытством маленькой девочки, впервые открывшей книгу со сказками, следит за сережкой. Капля золота висит на шнурке от амсы и не двигается. Из-за слабости во всем теле держать на весу украшение не просто. Рука дрожит, сережка звенит, и я роняю её на столик в купе.

– Не получается, да? – лезет с расспросами принцесса.

– Получится. Сейчас.

Давно не чувствовала себя такой размазней. Симптомы впору выписывать в длинный столбик. Самый неприятный – тошнота. Позывы терзают пустой желудок, и у икоты привкус горечи. Хорошо, что я голодна. Нельзя пачкать сидения в нашем с принцессой купе. На такой жаре от запаха нас обеих начнет тошнить еще сильнее. Я отталкиваю руки Имари и пытаюсь сесть ровно. Подвигов не нужно. Просто удержать сережку на шнурке. Повторяю вопрос и смотрю на золотой маятник. Галлюцинация или нет, но он качается вперед, потом назад. Амплитуда нарастает, ответ обретает твердость: «Да. Слышу».

– Качается! – восторженно комментирует Имари. – Я, кажется, знаю, что ты делаешь. Мы так забавлялись в детстве. Загадаешь что-нибудь и ждешь, пока маятник пойдет по кругу. Значит, сбудется. Но чаще сами его колебали, невтерпеж было. А в чем колдовство?

– В ответах, – с трудом отвечаю я. – Вы правы, я задаю вопросы.

Маленькое представление хорошо отвлекает от проблем с Рагнармом. Принцесса, увлекшись, сует нос к раскачивающейся сережке. Молчит и не дергает, но я догадываюсь, что позже попросит узнать что-нибудь для неё. А сейчас колебания успокаиваются. Кукловод ждет следующий вопрос. Мне сложно думать, хватаюсь за обрывки воспоминаний и ассоциаций.

«Сон, что я видела в спальне про замки. Змеи укусили меня?»

Единственный раз четвертый дух говорил со мной, когда змеи черной смолой текли из замочных скважин. До нас с Наилием они добрались, но опутали руки, превратившись в нити марионеток. Сережка качается вправо, отвечая «нет». Ответ правильный, но после игр полукоматозной пары Телепата и Сновидца я не спешу доверять тем, кому мои сны – не тайна. Нужно что-то еще более личное.

«Наша с Наилием близость в машине, когда он заматывал руки ремнем. Мы помирились после ссоры и спешили на учения военных медиков. Мне было хорошо, а генералу нет. Правда?»

Спрятать правильный ответ в мыслях тяжело, но я стараюсь. Запутываюсь в деталях, бесконечно вспоминая сладкую и острую боль. Собственный взрыв. Как билось сердце, и кружилась голова в жарком салоне. Чуть меньше, чем сей-

час в купе. Маятник расплывается перед глазами, но отчетливо качается вверх-вниз. «Да».

«Невероятно, – выдыхаю, роняя маятник, и откидываюсь на спинку сидения. – Лех, он мог ответить наугад? Как живой? Бывает же, что случайно выбираешь и оказываешься прав».

«Нет, госпожа. Кукловод так не умеет. Проверка пройдена. Он знал верный ответ».

Бездна, откуда? Четвертый дух проснулся гораздо позже, а сейчас я намеренно сбивала с правды. Никогда и ни с кем не обсуждала тот единственный раз, когда Наилий не был со мной до финала. Остался неудовлетворенным. И я ничего не заметила. Поняла позже, уже, когда летели в транспортнике на Эридан.

Почему он промолчал? Не захотел портить едва наладившиеся отношения? Боялся опоздать на учения и потому не настоял на еще одной близости? Или прятал очередного демона из своей стаи?

Друз Агриппа Гор спал только с девственницами, иначе не получал удовольствия. Я видела таких пациентов в психиатрических клиниках. Мощные блоки в их сознании психиатры не могли обойти. Не все психи – мудрецы, но все мудрецы – психи. Что если у Наилия был такой же блок? Тотальный контроль во время близости вплоть до дыхания партнерши. Я отдавалась, не думая, а он, позволив мне управлять собой, не смог излить семя. Разочаровался, но промол-

чал. Сделал это для меня. А потом каждый раз успевал перехватить инициативу и оказаться главным. Сомневаюсь, что признался хоть кому-нибудь. Мужчины тяжело переживают неудачи. Но от единственного своего духа не мог закрыться. Кукловод знал. И ответил верно.

«Лех, он читает его мысли! Здесь. Сейчас, Значит, генерал жив».

«А вы спросите, госпожа, – осторожно подталкивает дух, а я снова хватаюсь за маятник. Повторяю вопрос, не сводя взгляда с золотых бликов на гранях украшения принцессы.

– Когда вот так качается это что значит? – спрашивает она, тыча в маятник пальцем.

– Это значит «да», нэлла.

Облегчение тратит последние силы. Зажимаю сережку в кулаке и не хочу отдавать. Мой личный канал связи с любимым мужчиной. Самый необычный из всех, что я могла представить. Один Кукловод на двоих. Одинаково внимательный к нему и ко мне.

– Спрашивай вслух, – теревит Имари. – Мне тоже интересно. Или нельзя? – принцесса переходит на язык жестов и уже привычно показывает «военная тайна». Восторженное дитя, дорвавшееся до маленького чуда. И пора уже задавать полезные вопросы.

– Помощь в пути? – уступаю ей и спрашиваю вслух, снова опустив маятник над столом. – Бойцы генерала придут за нами?

Раз Кукловод читает мысли, то в курсе приказов и планов генерала. Маятник долго висит над точкой равновесия, а потом отклоняется влево.

– Нет, – обреченно сообщаю принцессе. – Никто за нами не придет.

Глава 3. Засада в лагере

Ящики с оборудованием Трур и Рэм перетаскивали обратно в гостевые покои дворца. Рагнар исчез вместе с молодой женой, и требование к цзы'дарийцам немедленно покинуть планету король снял. Если бы это радовало генерала.

Наилий сидел на стуле возле заново развернутой системы слежения и с ненавистью смотрел на пустой экран. Радиус действия маяка на одежде Дэлии уже не доставал до дворца. Исчезла красная точка, а вместе с ней уверенность, что с любимой женщиной пока все в порядке.

– Рэм, почему она не активировала аварийный маяк?

Безопасник, красный от жары и перетаскивания тяжестей, устало выпрямил спину. Ящик так и держал в руках.

– Не могу знать, Ваше Превосходство. Может быть, рядом лиенны, и она боится вынимать его из перчатки, а сил продавить кнопку через силикон не хватает. Я связывался с эриданским управлением железных дорог, поезд следует четко по графику от станции к станции без остановок. Будем надеяться, что еще жива. Шансов много.

«Больше, чем ничего, но меньше, чем достаточно», как любил говорить мастер. Публий еще пару часов назад заподозрил у генерала адреналиновый взрыв и накачал блокатором. Теперь Наилию было тепло и пусто. Он почти не реаги-

ровал на доклады Рэма, не смотрел на часы и не рвался больше пешком броситься в погоню. Транспортник в расчетное время не вышел на орбиту. Маленький отряд из начальника безопасности, медика, снайпера и генерала оставался без подкрепления. А что они могли вчетвером?

– Поставь ящик, зачем ты в него вцепился? – проворчал Наилий. – Связисты у нас в резерве были? Что у них с оснащением...

– Ваше Превосходство, маяк! – перебил безопасник, с громким стуком уронив ящик на пол. Генерал развернулся к мониторам и долго не мог понять, куда Рэм показывает. Мониторы пусты.

– Где?

– Переносной сканер, – пояснил Рэм, хватая устройство со стола. – Только что маркер вспыхнул. Вот.

От майора остро пахло одеколоном. Переборщил утром, когда брился. На голодный желудок от древесных нот парфюма мутило, но Наилий терпел. Чуть дрогнувшими пальцами коснулся экрана сканера. Маркер пульсировал кровяной жилкой. Жива.

– Это точно она? То есть никто не мог украсть маяк и активировать вместо неё?

– Вряд ли, – поморщился Рэм. – Лиенны аварийные маяки в глаза не видели, эридане тоже. Наше внутреннее оборудование. Они бы скорее выкинули, чем догадались вдавить кнопку. Тут другой вопрос. Если она до этого сидела тихо,

то что заставило сейчас вспомнить про маяк?

Опасность. Генерал не сказал вслух, но они с майором друг друга поняли. Дэлию предупреждали, что частота аварийного маяка известна бойцам Малха. Она поэтому не хотела его активировать, когда генерал просил остаться на планете и ждать помощи. Боялась, что из одного плена попадет в другой. Проклятый эриданский клубок! Все смешалось в кучу – свои, чужие, враги, предатели.

– Если бы я был разведчиком Малха и захотел заманить неугодного генерала в ловушку, – медленно рассуждал Наиллий, – то обнаружив его женщину с маяком, обязательно бы его активировал. В поезде Имари. Любовница Малха. У него бойцов хватает, чтобы её отбить.

Прозвучало обреченнее, чем он хотел. С той болью, что не позволялась генералу. Кто он, если не может защитить любимую женщину? Когда спальню в особняке разнес, думая, что навсегда ушла к Агриппе, не было так паршиво. Сила в руках звенела, ярость клокотала. А сейчас впервые воли не хватало бороться. Положит группу, сам сдохнет, но все равно её не спасет. Вселенная решила отомстить за всех, кого отправил в бездну. Генерал, адреналиновый монстр, генетический мутант. Кто он? Пустышка.

– Зачем Малху принцесса после Рагнара? – осторожно заговорил Рэм. – Он проиграл эту битву, отдал её добровольно.

– Нет, иначе бы не тронул. Оставил невинной. Но он взял её, как клеймом пометил. Идея с Публием и операцией –

блеф. Нельзя полагаться на то, что не можешь контролировать. Я хорошо знаю Малха, он бы не стал всерьез рассчитывать на гиенопластику. Успокоил девчонку, а сам ждал её позора и публичного изгнания. Планировал выкрасть по дороге на плантации сахарного тростника, и приказ этот до сих пор в силе. Перекроют его бойцы ветку на одной из станций и снимут Имари с поезда.

– Там заложники, – упрямо качнул головой Рэм. – Одержимый поклялся их убить, если увидит хотя бы одного цзы’дарийца по дороге в Северные земли. Малху не нужно портить отношения с сестрой короля. Как он будет добывать родий, если умрут её сыновья?

Балия не стала молчать на допросе. Сдала всех цзы’дарийских союзников, начиная с Остия Вира. Наговорила разведчику на трибунал с расстрелом. Много в голове не укладывалось, хоть и звучало логично и объясняло прежние нестыковки. Лиеннские партизаны потому так мастерски уходили от цзы’дарийских рейдов, что всегда знали, где и когда они будут. А их вылазки напротив были неожиданными и очень успешными. Потерями в тысячи бойцов легион Малха обязан своему командиру и его разведчику.

Остий сливал информацию Рагнару через детей Балии. Маленькие принцы любили кататься по железной дороге, а с собой брали разноцветные воздушные шарики. Их надували кроты, переодетые слугами и прятали внутри записки. На конечной станции шарики незаметно меняли, пока дети куша-

ли в вагоне-ресторане, и обратно принцы везли записки-ответы. Тот лиенн, что был связным, и выкрал их из дворца. Мальчишки его узнали и радостно пошли с добродушным дядей в любимый поезд. Достойный ответ на цинизм их матери.

Наилий не жалел заложников. Он бы с удовольствием вырезал весь эриданский королевский гадюшник и оставил одного Таунда. Но дядя вступился за сестру и племянников, поставив условие: «Если принцы пострадают, то добычи родия не будет».

С родиём оказалось сложнее, чем с партизанами. Эриданские промышленники и королевские советники, которые так яростно прогоняли цзы'дарийцев с планеты, давно были в доле от добычи редкого металла. Их тоже сдала посвященная в интригу Баля.

Разработка месторождений не прекращалась ни на один день. Родий аккуратно упаковывался в паллеты и отправлялся на склады, где его охраняли умышленно забытые на планете бойцы Малха. Зачем это делалось, Баля не знала. Наилий догадывался, но хотел лично спросить у полковника. Показаний Баля вместе с признаниями Оствия и ему на трибунал хватило бы. Осталось только спасти Дэлию от Рагнара, дожидаться, пока вирус выкосит больше половины лиеннов, прогнать через службу безопасности всех бойцов Малха, забытых на планете, и можно возвращаться домой. Но транспортника не было, а маяк Дэлии отчаянно привлекал не тех

спасателей.

— Что у нас со связистами в лагере резерва? — вернулся к прерванной мысли генерал. — Оборудованием их оснастили, как положено, или пожадничали?

— Как положено, — кивнул безопасник. — Лично проверял.

— Значит, установка, сканирующая эфир в космосе, у них есть. Рэм, я должен знать, где транспортник. Его действительно нет в этой части галактики или он висит на орбите и по приказу Малха ждет, пока из нашей группы будет некого спасти?

Безопасник промолчал и задумался. Знал настроение генерала, поэтому не рискнул говорить вслух очевидные вещи. В лагере засада. Она там есть, обязана быть или разведчиков Малха нужно списать на Дарию с отметкой о профессиональной непригодности. Вопрос — как организована? Постаринке с двумя-тремя звездами бойцов, сидящих по палаткам и от скуки играющих в Шу-Арлит? Или с современными ловушками под каждым камнем? Тогда лагерь будет пустым и пронизываемым насквозь тепловизорами. А стоит в него сунуться — подорвешься на первой же хитрой мине. Ставились они за мгновения, обезвреживались долго.

Кого послать проверить? Трура? Снайпер, конечно, умел ходить тихо и вести себя незаметно, но в ловушках разведчиков не разбирался. Рэма? Он ранен и не спит вторые сутки. Хрустнет ветка под ботинком, засечет засада, один не отобьется.

– Нам ведь только установка нужна, – рассуждал безопасник. – Громоздкая, зараза, на горбу не утащишь. А если тихо пробраться в лагерь, отсканировать космос и вернуться?

– Нет, – мотнул головой генерал. – Терять вас по одному я не хочу. Вместе в лагерь пойдем. Времени нет. Я ставил нашей операции высший приоритет. Все лимиты на непредвиденные обстоятельства у транспортника исчерпаны. Или его взорвали, или он умышленно задержался. Что у нас с оружием?

Рэм пошел к ящикам в глубине будуара, грузно переваливаясь с ноги на ногу. Раненый бок ныл и беспокоил, несмотря на медикаменты. Даже у личной тени генерала, как его в легионах называли за глаза, был предел. Он никогда не жаловался, казался надежнее металла и умел выкручиваться из безвыходных ситуаций. Один из немногих, кому Наилий верил слепо. Один из тех, кого по-настоящему боялся потерять.

– Карманные бластеры у нас с полными зарядами, винтовка Трура и посох, который лиенны притащили на церемонию, – проворчал Рэм.

– Броня серьезнее «бочек» есть?

– В лагере резерва, Ваше Превосходство.

– Тьер.

С транспортом еще хуже. Внедорожники стояли в лагере, а из местных автомобилей только кабриолет Таунда. Двигатель у него мощный, салон вместительный, доедут с комфор-

том, но как далеко? Слишком заметная цель для гранатометов. Камуфляж на него наводить долго. Разве что воспользоваться чужим.

– Рэм, ты не успел завести знакомства в эриданской охране?

От усталости лицо безопасника осунулось. Нос, похожий на клюв хищной птицы, заострился, на висках вздулись вены. Сколько еще продержится боеспособным? Сохранит ли ясную голову?

– Нет, только по мониторам за ними следил. У них приказ с нами не контактировать. Стычка при высадке была единственной, потом они подчеркнуто мимо ходили. Ваше Превосходство, я могу достать пузырь огненной воды и пойти дружить прямо сейчас. Что у них отжать? Оружие? «Кирасы?»

– Броневик.

Рэм цокнул языком и задумался. Бронированный автомобиль делали специально для Таунда. Когда до дворца дошла весть, что Рагнар вместе с еще живым Оларсом идет заявлять права на престол, король резко прекратил поездки по столице. Окопался в покоях и выходить из них согласился только после того, как увидел доставленного с Дарии бронированного монстра.

Станковый пулемет на капоте, круговая тонировка, комплект современных бронежилетов типа «Кираса». Толщина брони – всем на зависть. Прямое попадание из гранатомета,

конечно, не выдержит, но от пуль и осколков защитит. Лучше только цы'дарийская бронетехника, но ее эриданам, понятно что, никто дарить не собирался.

– Прикинемся местными, – озвучивал план атаки генерал. – Через тонировку стекол нас не разглядят, а тепловизоры цвет кожи не показывают. Да и бесполезны они, если печку внутри включить. Рванем к лагерю напролом, постреляем, если ответят, то развернемся и рванем обратно. На расстоянии будем выяснять – кто именно там засел. Бойцы Малха или свои, переметнувшиеся на его сторону. А если не будет никого – прекрасно, установка наша. С ловушками на месте разберемся.

– Возражений нет, – кивнул Рэм.

– У меня предложение, – подал голос Трур от двери. Снайпер принес последний ящик и вытирал пот с лица. На улице кондиционеры не работали, к ночи жара ушла, но духота по-прежнему стояла невыносимая. – Я тут краем уха зацепил, что броневик Таунда нужен. Видел его, пока по дворцу шарился. Стоит в гаражном боксе, а на дверях замок механический. Древний предревний, ключом открывается. Ключ на пожарном щитке висит. Местный пожнадзор охрану не так давно построил и отравнял, они предписания выполнили. А безопасники еще не успели ключ изъять и по мозгам надавать, чтоб не делали так. Противоречат требования двух служб друг другу? Пожарные хотят, чтобы все было открыто или доступно в случае чего, а безопасность наоборот все

закрывает и опечатывает. Пока выигрывают первые. Я разобью стекло на щитке, заберу ключ и выведу броневик. Только отвлечь охрану нужно.

— Как два пальца отдавить, — фыркнул Рэм. — Светошумовую гранату в ящике возьми и вперед.

— Выполняй, — подтвердил генерал и у снайпера с азартом блеснули глаза.

Но вспышка светошумовой гранаты была гораздо ярче. Трур закинул её в дворцовый ангар для автотранспорта. Давно мечтал пошуметь, закис от безделья на точке, где провел несколько последних дней. А тут такая красота. Слепленные гранатой эриданские охранники попадали на колени и зажали уши. Видеть начнут через половину минуты, а слышать нормально через несколько часов. Мгновений слепоты хватило, чтобы вскрыть бокс с броневиком. Снайпер запрыгнул на водительское сидение, и хлипкие ворота ангара снес уже по-военному черным автомобилем. Только деревянные обломки чиркнули по бронированным бокам.

Оставшаяся группа ждала далеко за территорией дворца. Чтобы успеть погрузиться, пока за пропажей не кинулись. Свет фар броневика танцевал между стволами деревьев. Абсолютно белый на черном, как графичный рисунок. На Эридане темнело быстро. Местное светило, будто устав жарить весь день, к ночи падало в тропический лес замертво. Мимолетные сумерки пролетали фиолетовым призраком и оттого казались зловещими. Маленьких детей пугали, что если

они не успеют уснуть до темноты, то злые духи унесут их в подземное царство к мертвецам. В бездну.

Генерал смотрел в непроницаемую черноту неба и вспоминал, как испуганная Имари клялась, что если опоздает, то будет спать с открытыми глазами и тогда её точно никто не утащит. Дэлию украли. Рагнар увез её на поезде, а Наилий вместо того, чтобы мчаться за ней, стоял посреди ночного леса и ждал броневик со снайпером за рулем. Теперь он тоже не закроет глаз. До тех пор, пока не увидит любимую женщину.

– Тащится, как механоид на гусеничном ходу, – проворчал Публий, кивнув на белое пятно от фар броневика вдалеке. Медик стоял, облокотившись на капот кабриолета, и тер заспанные глаза. Генерал приказом отправил его отдыхать, но трех часов на восстановление не хватило. Усталость накапливалась молочной кислотой в мышцах и туманом в голове. Энергетики не помогали, адреналин бодрил только генерала, но и его заблокировали препаратом. Нужен транспортник. Найдется он – появится все остальное. Исправная десантная капсула, безопасная высота орбиты планеты и штурмовая группа. Наилий спустится за Дэлией из космоса наперерез поезду. Лишь бы опередить бойцов Малха.

– Давай, давай, – торопил Рэм, шарахнувшись от затормозившего возле него броневика. – Трур, ты на педаль газа давишь или бабу тискаешь? Резче надо!

– Виноват, майор Рэм, исправлюсь, – радостно отозвался

снайпер, распахнув дверь. – Транспорт подан.

Генерал приказывал много с собой не брать, но Рэм, как обычно решил перестраховаться. Оборудования погрузил столько, будто неделю собирался искать ловушки, сканируя лагерь.

– А нам куда? – нахмурился медик, разглядывая оставшееся в салоне место. – Я далек фигурой от стройных дарисс.

– Ты у нас вообще переросток, – пробубнил в ответ безопасник. – погоди пока утрамбовываться. «Кирасу» надевай.

Бронежилет пятого класса защиты под одежду не спрячешь. Тяжелый, громоздкий и выглядят в нем так, будто черепаший панцирь надели. Их и звали панцирями.

– Снизу «бочка», сверху «кираса» и я между ними тонкой прослойкой, – самозабвенно ворчал Публий.

– Не ты, а одежда. Раздевайся, не выделяйся. «Бочку» снимай, зачем она теперь?

– Зачем мне вообще бронежилет в броневики? – уперся медик. – Рэм, это бред.

Генерал мысленно соглашался. Перебирал безопасник с защитой. Сил и так мало, таскать на эриданской жарке керамокомпозитные бронепластины – сомнительное удовольствие.

– Капитан, это приказ, – взъярился Рэм.

– Отставить, – вмешался Наилий. – Пусть в «бочке» остается. На штурм я его не пущу, в броневики отсидится. Все,

заканчивайте и ходу! Время теряем.

Кабриолет бросили в лесу. Захотят эридане вернуть – пусть ищут. Рэм занял место в броневике рядом с Труром, а генерала с медиком посадили назад. Снайпер от «кирасы» тоже отказался. Не помещался в неё за рулем. В перегруженном автомобиле передние кресла сдвинули ближе к приборной панели. Цзы’дарийцы сидели, поджав ноги и вцепившись в бластеры.

– Да хранят нас несуществующие боги, – тихо сказал Трур и вдавил педаль газа.

Лагерь резерва прятался на окраине, замаскированный под деревню рыбаков. Когда-то в местном ручье водилась рыба, и эриданские бедняки вытаскивали её сетями прямо на берег. Потом случилась война с лиеннами, выше по течению ручья поселились эвакуированные из Северных земель крестьяне, наделали запруд и почти всю рыбу забрали себе. Деревня опустела, а месяц назад, планируя операцию, генерал велел разбить там лагерь резерва. Вместо палаток – лачуги с крышами из пальмовых листьев. Медотсек в местном баре, а штаб в доме старосты. Хлипкий деревянный мост через ручей хотели заменить понтонной переправой, но в итоге просто его укрепили. Вес броневика он не выдержит. На полном ходу в лагерь не въехать. Но пока хотя бы издали посмотреть.

Трур свернул с отсыпанной щебнем дороги на грунтовку. Броневик мягко заурчал, наматывая на колеса красную эри-

данскую землю. До кромки леса оставалось несколько минут езды. Еще немного и за стеной стволов деревьев появится фиолетовая нить ручья с серебристыми разводами на волнах. На ночь в лагере тушили свет. Дозорные, если до сих пор стояли на постах с приборами ночного видения, то уже засекли гостей. Стрелять сразу не начнут, ближе подпустят.

– Хватит, тормози, – приказал генерал, с трудом привстав в мотающемся по ухабам внедорожнике. Снайпер остановился. – Рэм, что там?

– Пусто. Тепловизоры показывают синюю гамму, Ваше Превосходство, – безопасник протянул Наилию девайс в пространство между сидениями. Дома по температуре не отличались от окружающей среды. Даже там, где должен стоять генератор электричества, тепловизор давал темно-синюю заливку. Давно выключили, успел остыть. – Лагерь обесточен, бойцов резерва нет.

Повезло или нет? Паранойя нашептывала в уши, что в лесу можно было сделать хоть десять гнезд снайперов, на том расстоянии, куда не доставали тепловизоры. Оставить водозаборов в ручье, заминировать каждый дом. Но генерал видел пустой лагерь.

– Труп за рулем, Публий на месте, – скомандовал он. – Рэм, выходим.

Пригодилась гражданская одежда и такие же маски, как у Дэлии. Спрыгнув в травяной ковер, два цзы'дарийца с бластерами в руках пошли к деревянному мосту. Стрекотали

ночные насекомые, тихо плескался ручей, и так хотелось верить, что хотя бы сейчас никто не попытается их убить.

– Чисто, – прошептал безопасник.

– Вижу, – кивнул генерал. – В каком доме связисты сидели?

– Третий слева, Ваше Превосходство.

– Генератор нужен?

– Нет, на установке аккумуляторные батареи.

Как они её запустят и что дальше делать, сейчас мало волновало. Тому, кто часто общался с техникой, у любого девайса достаточно найти кнопку «вкл». А там, если сходу не получится разобраться, всегда можно прочитать инструкцию. Но до неё еще половина улицы заброшенной деревни и, возможно, заминированная дверь дома.

Безопасник пошел первым, поглядывая на тепловизор. Синий огонек экрана девайса в крошечной тьме светлячком улетал от генерала. Вспыхивал и гас, прячась за спиной Рэма. На дороге могла стоять растяжка. Нить, натянутая между колышком и чекой гранаты. Задеваешь такую и взрываешься. Еще чуть припорошенные землей противопехотные мины нажимного действия. Наступил – остался без ног. Все самое простое, топорное, без изысков электронной начинки. Но по-прежнему эффективное, сколько бы циклов не прошло.

Наилий считал каждый шаг своего майора, нервничал, когда он останавливался и доставал металлоискатель из карма-

на. Прибор зловеще пищал, но потом от пинка в заросли улетала консервная банка или железный обломок. Чисто, пусто, подозрительно.

Рассохшаяся дверь дома неслышно отворилась. Смазали бойцы петли, навели порядок.

– Установка здесь, – громко сказал Рэм и махнул рукой.

Генерал только в доме почувствовал, как вымокла спина от пота. Бластер далеко не убирал и прислушивался к каждому шороху. Снаружи дом по-прежнему был рыбацкой лачугой, но внутри бойцы нафаршировали его высокотехнологичной начинкой. В пятне света от фонаря Рэма появлялась мебель и оборудование связистов. Мониторы единого пульта, брошенные в беспорядке девайсы, красные лампочки истощенных аккумуляторных батарей. Но погрома нет, следов перестрелки тоже. Бойцы будто в уборную отошли и забыли вернуться.

Металлоискатель стал бесполезным. Рэм придирчиво осматривал корпус установки, а потом щелкнул кнопкой питания. Аккумуляторы протяжно пискнули, но лампочки статуса не погасли. Хватало заряда.

Зажегся один из мониторов, по черному экрану побежали глифы статуса загрузки. Диагностику прошли успешно. Установка в рабочем состоянии.

– В бездну все, – сказал Рэм. – Хоть бы транспортник просто висел на орбите. Даже морду бить капитану не буду. Вежливо провожу в клетку. Пусть там интеллигентно пишет, ка-

кие демоны его совратили, чтобы на связь не выходил.

Безопасник коснулся экрана и вошел в меню программной оболочки. Команда на сканирование участка космоса вокруг Эридана запустилась после четвертого нажатия. Прогресс выполнения шел раздражающе медленно. Радиус сканирования расширялся и уходил глубже в космос, но изображение транспортника на экране не появлялось. Один час лета до орбиты, два часа лета, три. Пусто.

– Точка выхода из телепортации далеко? – хмуро спросил генерал.

– Скоро достигнем.

Пять часов, шесть, семь. Ничего нет. Точку прошли, дальше искать бессмысленно. Генерала бросили на планете. Никто не собирался его спасать.

Глава 4. Ловушка

А ведь он детей хотел от любимой женщины. Мечтал взять сына-младенца на руки и поцеловать в пахнущую молоком макушку. Или сидеть на диване и гладить Дэлию по беременному животу. Она похорошеет в положении. Может быть, чуть-чуть поправится и округлится. Сил нет смотреть, какая тонкая и прозрачная. Хрупкая. Взял бы на руки и качал, убаюкивал.

– Ваше Превосходство, что делать будем?

Рэм сгорбился над пультом установки, сканирующей космос, и водил пальцами по подбородку. Ногти скребли успешную отрасти щетину. Вязаную маску спецподразделений он бросил на пол. От кого прятаться в пустом лагере? Наиллий вслед за ним снял свою.

Нужен план. Какой-нибудь немыслимый финт, чтобы спасти группу, Дэлию, детей Балии, Договор, поставки родия, свою жизнь. Но в голове звенела тишина. Монотонный шлейф от камертона. Шли на штурм – оказались в пустом лагере. Надеялись на транспортник – космос пуст. До неуместной улыбки вспомнилась шутка про неуловимого лиенна-налетчика. Он потому был неуловимым, что никто его не искал. Оказался не нужен. Вот и генерала пятой армии списали в потери.

Приемники уже готовились к Совету генералов и укрепляли дружбу с хозяевами других секторов. Жаль, Дарион еще слишком молод. Не закончил старший нилот училище, не мог претендовать на погоны отца. Даже вызов бросить тому, кто займет его место. Малх. Теперь Наилий не сомневался. В секторе только генерал и полковники могли отдать приказ транспортнику изменить курс.

Тяжелый космический корабль летал от одной точки телепортации до другой строго по расписанию. Оно составлялось на половину цикла вперед, а по плановым операциям еще дальше. Прокладыванием маршрутов занималась отдельная служба, от количества согласований глаза на лоб лезли. Наилий представлял их жонглерами, ловко перекидывающими бронетехнику, живую силу и научные экспедиции с одной планеты на другую.

Галактика огромна, заселена неравномерно. Таунду повезло жить на единственной обитаемой планете в системе своей звезды. Даже ближайшая база гнарошей стояла от него в двух стандартных телепортационных переходах.

Кстати о синекожих. Клан дождя привычно молчал после недавней стычки, но сдавалось генералу, что их беспилотные разведчики все еще патрулировали соседнюю звездную систему. Жаль, что доступные сейчас средства связи не смогут подать туда сигнал.

– Рэм, открой расписание транспортников. Эридан – не окраина галактики, кто-то из наших должен пролетать ми-

мо. Установку переведи в режим автоматического сканирования. Найди в инструкции максимальный радиус, на который она рассчитана. Думаю, пару-тройку других точек выхода из телепортации она зацепит. Раз нашего транспортника нет, постараемся поймать другой. В наглу, как автостопщики на трассе.

– Есть, – ответил безопасник, но без надежды в голосе.

Генерал смотрел, как он медленно разгибает спину, держась за раненый бок. Рэма, как двигатель в машине, перевели на пониженную передачу. Вроде мотает обороты, а практически стоит на месте.

– Что еще я могу сделать? – вдруг вспыхнул Наилий. – Давай сядем в десантную капсулу резерва и будем ждать на орбите, пока нас кто-нибудь не подберет. Давай соберем эриданское ополчение и войной пойдем на Северные земли. Вырежем и своих, и чужих, а кого не успеем, добьет вирус. Ты этого хочешь?!

Крик отразился от стен пустой лачуги гулким эхом, но облегчения не принес. Давно генерал не слышал собственный голос на повышенных тонах. Не сразу узнал. Зря, конечно. Нельзя срываться. Блокатор адреналина еще действует или уже перегорел?

– Что ты смотришь на меня? Отвечай!

Не нужно так с Рэмом. Не заслужил он. Вся вина лежит на генерале. Его звание понадобилось Малху, а друзья офицеры, Дэлия, бойцы резерва – камни на доске Шу-Арлит в

окруженной группе. Их смахнут прочь и не заметят. Не уйдет Наилий в бездну один. Потащит за собой всех, кто ему дорог. Рэм так ничего и не сказал. Выпрямил спину и оглянулся на дверь.

– Тебя с улицы слышно, – устало сказал Публий, встав на пороге. – Паршиво выглядишь, Ваше Превосходство. Откуда трагедия? Ты не знал, что так будет? Сюрприз?

– Тебе кто разрешил из броневика выйти? – огрызнулся Наилий.

– Лагерь пустой. Ни живой силы, ни ловушек, ни боеприпасов. Я предлагаю собрать все ценное и возвращаться во дворец. Хотя с эпидемиологической точки зрения здесь безопаснее. Нет зараженного вирусом хлеба.

Не получится ждать другой транспортник. У них антивируса не хватит. Наилий отдал часть своего запаса Дэлии. Туда же добавили по несколько таблеток Рэм, Публий и Трур. Того, что осталось, хватит на два дня. А потом можно ждать у себя симптомы геморрагической лихорадки.

– Проверь медотсек, – приказал генерал. – Связисты ушли в спешке, оборудование и личные вещи побросали. Есть шанс, что антивирус, который ты отправил бойцам резерва, все еще здесь.

Публий кивнул и развернулся на выход.

– Стой! – подал голос Рэм. – Сначала я.

Наилий вышел вместе с ними. Установка сканирует космос и никуда не убежит. Ночь на улице не изменилась. Раз-

ве что не так ярко светили звезды. Упрямый медик на удивление послушно шел за Рэмом, ступая след в след. На мосту стоял снайпер, облокотившись на перила, и смотрел на фиолетовую воду ручья. Впустую они сюда примчались. Настолько, что становилось обидно.

– Стой, – повторил Рэм и достал из кармана металлодетектор. Прибор пищал тем громче, чем ближе его подносили к объекту. Безопасник опустился на колени и осторожно шарил руками, освещая заросли травы экраном тепловизора. – Ловушка-шокер. Током ударит, но не убьет. Смотри-ка, сердобольные у Малха бойцы. Можно начинать верить, что наш резерв жив?

– Или ставили, чтобы эридан отпугнуть, – предположил генерал. – Мало ли местных придет в брошенную деревню помародерствовать.

Шокер Рэм снял быстро и пошел дальше. По плану медотсек стоял на другой стороне улицы. На три ступени лестницы и дверь металлодетектер не отреагировал. Рэм ругнулся на темноту, пожалел, что не запустили генератор и не включили прожекторы, а потом разрешил заходить. Внутри прибор запищал на оборудование назойливой мухой над ухом. Полноценного медотсека не получилось, слишком мало места. Генерал чуть не запнулся о походную кровать и не влетел в ящики с укладками.

– Рэм, нужен свет.

– Я нашел уже, – глухо отозвался Публий из другого уг-

ла. – Мой кейс.

В тишине раздался хлопок спущенной тетивы лука. Медик не смог выдохнуть или закричать. Грузно осел на пол, сбив хлипкую подставку для лотков с инструментами. Они посыпались на него звенящим дождем, задевая толстый штырь, торчащий из груди.

«Публий!» хотел позвать генерал, но не смог. Из тела будто вырвали позвоночник, но Наилий чудом остался на ногах. Пятно света из фонарика Рэма рисовало на черноте медотсека светлые пятна одежды. Где-то там, на груди военврача, из круглого отверстия тяжелыми каплями сочилась кровь. Монотонно и неотвратимо, как дождь из лопнувшего облака.

– Публий, – с трудом вытолкнул деревянный язык имя медика.

Рэм поддерживал его и помогал лечь на пол. Фонарик перечеркивал их косой линией. Пачкал желтизной бледные лица.

«Ты знал, что так будет, – шепот пришел с улицы вместе с запахом стоячей воды. – Ты знал. Сюрприз?»

– Свет, Наилий! – прикрикнул Рэм. – Я ничего не вижу!

А он лучше бы не смотрел. Куда не повернись – холодный блеск металла и живые тени. Они катились к ногам Публия волнами, настырно лезли к голове. Наглотается – не проснется.

– Наилий, он жив! Скорее!

Генерал дернулся марионеткой и пошел. Три шага до двух

тел на полу. Штырь в груди медика сверкал отполированными гранями. Новый, чистый. Крови вокруг него немного. Пятно размером с ладонь. Но скоро оно станет больше.

– Дурак, – прошептал Публий. – Идиот.

Капли крови струйкой побежали из уголка рта по подбородку. Медик дышал осторожно и гримасничал. Зубы испачкались кровью. Он провел по ним языком, и новая струйка потекла изо рта.

– Захлебнется, – сказал Рэм и осторожно взял раненого за плечи. – Публий, я сейчас твою голову на бок положу, а ты болтай строго по делу, хорошо?

– Штырь... не трогай.

– Знаю, не тупой. Командуй, что делать.

Наилий сел на пол, голову медика положили ему на колени. Фонарик светил в стену, и с улицы в медотсек пробиралось ледяное болото. Теплой была только кровь, пропитывающая штанину брюк.

– Операционные простыни. Нужно много... Лежат там. В шкафу...

Показать рукой медик не смог. Зажмурился и долго глушил приступ кашля. Рэм вскочил на ноги и бросился выворачивать всё, что стояло у стен. Дверцы хлопали, медицинское барахло летело на пол. Он пинал его и шел мимо. Упаковка, упаковка, упаковка. Все стерильное, одноразовое.

– Они? – спросил Рэм, разрывая полиэтилен. – Простыни из синей синтетической ткани.

– Да, они...

Публий все-таки закашлялся. Кровяной пузырь вырос на губах и лопнул, забрызгав щеку. Запах болота стал сильнее.

«Боишься? – шелестела упаковка под ногами Рэма. – Горный мальчик боится. Друг лежит на полу и скоро умрет. А ты останешься».

Они все уйдут. Один за другим. Создатель предупреждал. Псих, придумавший мудрецов.

«Перерождение – та же смерть, – рассказывал он с жаром фанатика. – Тело, эмоции, друзья, служба – все будет отваливаться от тебя кусками, как мясо от костей. Гнить и отваливаться. А ты будешь сидеть рядом и не верить, что это происходит. Рядом. С тобой».

– Публий, не отключайся, – простонал Рэм. – Ты у нас врач, помочь больше некому. Штырь пробил легкое, но его нужно вытащить. Я видел, как ты это делаешь всего один раз. Не торопись сбегать в бездну. Говорят, там паршиво.

– У гнарошей хорошо, – оскалился кровавыми зубами медик. – Выпивка рекой и голые женщины.

– У эридан еще лучше, – добавил генерал. – Вечное блаженство. Но нам не повезет. Попадем к себе.

Смеяться для Публия все равно, что кашлять. Нельзя. Ему и говорить было нельзя, но он отвечал. Когда штырь достанут, замолчит. Покажется, что душа выходит из груди вместе с воздухом. Что воздуха не осталось даже на крошечный глоток. Его украли, отняли у него и не хотят отдавать.

Тело взбунтуется. Будет дергаться и как никогда захочется кашлять. Нельзя. Медик знает. И должен лежать тихо.

– Ремень, – сказал Публий. – Не ищи в шкафах. Возьми свой с брюк. Нужна давящая повязка. Достаньте штырь, и закупорьте рану. Вдвоем.

Руки задрожали. Так сильно и так не вовремя. Генерал не знал, помешает ли «бочка». Зачем она вообще нужна, если не спасла?

«Кираса бы справилась, – застрекотали насекомые на улице. – Ты сам разрешил её не одевать. Виноват. Виноват. Ты знал, что так будет».

Наилий мотнул головой и глубоко вздохнул. Рэм гремел пряжкой ремня, вытаскивая его из брюк. Лишь бы штырь не зацепился за ребро. Никто не видел его наконечник. Повезет – выйдет плавно. А если нет, то на одного цзы'дарийца станет меньше.

«Ты уже смирился, правда? Это как стоять над пропастью и чувствовать, что нога пошла вниз. Слышишь, застучали камни?»

Обреченность. Её вкус гаже, чем протухшие консервы из сухпайка. Создатель все время рассказывал о кризисе мудрецов. Жалел, что один хлебал его полными ложками, когда вокруг ходили другие цзы'дарийцы и не замечали. Депрессия, суицидальные наклонности. Мир замыкался в тебе. Схлопывался в крошечную точку, а из неё торчал гладкий металлический штырь.

– Пора просить демонов и богов о помощи, – глухо сказал генерал. – Рэм, бери простыни. Я вытаскиваю штырь, ты давишь на грудь. Потом затянем ремнем.

Холод гулял по медотсеку, но майор вытирал пот со лба. Много будет крови. До тошноты. Лишь бы не думать, чья она, и как дорога каждая потерянная капля.

– Давайте уже, – прошептал Публий, – я устал морально готовиться.

Его снова уложили на спину. Фонарь ближе, простыни в руках, ремень рядом. Боги просьб не слышали, а демонам было плевать. Генерал взялся за штырь и потянул. Металл заскользил по влажным пальцам. Медик вскрикнул и поперхнулся хлынувшей изо рта кровью. Штырь застрял, а потом вышел рывком. Грудь Публия поднялась, будто воздушный шарик надулся. В медотсеке раздался ни с чем несравнимый, потусторонний свист.

– Дави! – рыкнул генерал.

Рэм всем весом налег на грудную клетку. Под его пальцами простыни промокли насквозь практически мгновенно. Кровь не останавливалась.

– Тьер, дави!

– Ребра сломаю.

– В бездну ребра! Дави!

В дверном проеме мелькнула тень с лицом Трура. Ветер трепал пустую упаковку, будто опавшую листву. От запах крови мутило, и пальцы у Рэма уже были красные. Публий,

наконец, потерял сознание. А может, умер, проверить генерал не мог. Тени плясали и ехидно скалились из каждого угла медотсека. В голове стучало: «Ты знал. Ты виноват. Он умер». Пальцы Рэма плавали в крови. Невозможно было понять больше её или меньше.

– Ремень, – тихо напомнил Наилий сквозь звон в ушах. – Дави, как давил, я снизу его просуну.

Генерал начал приподнимать Публия навстречу к Рэму. Кровь изо рта пошла сгустками, крупные капли застучали по деревянному полу. Наилий протасил ремень под широкой спиной медика и затянул на груди пряжкой.

– Кажется, все.

Пульс на шее бился едва ощутимо, но он был. Пока.

Дверь медотсека хлопнула от ветра, и на пороге снова появился Трур. Снайпер будто боялся спрашивать, чтобы не услышать ответ.

– Жив, – глухо сказал генерал, – но с такой кровопотерей долго не протянет. Ты ходил по лагерю? Десантную капсулу нашел?

– Так точно, Ваше Превосходство. Замаскирована под амбар. Я еще подумал, зачем здесь амбар? Вокруг ни одного поля, только луга. Сунулся, а там она. Запускать не стал, но издалека кажется исправной.

Снайпер говорил медленно и облизывал губы. Предложения словно выцвели, потеряв интонацию. Паузы возникали не там, где нужно, и длились ненормально долго. Синтезатор

речи не мог сломаться. В мыслях растекалась каша, и прибор еле-еле вылавливал из неё то, что Трур хотел сказать вслух.

– Разрешите уехать во дворец за эриданским лекарем? Какой-никакой, а что-то умеет.

– Без толку, – поморщился Рэм. Чужая кровь высыхала на ладонях и стягивала кожу липкой пленкой. Безопасник счищал её катышками. Долго, нудно, противно. – Мы и так в медотсеке. Посмотри, сколько оборудования и медикаментов. Лечи, не хочу. Ты знаешь, как? Вот и я не знаю. Что тут будет делать лекаришка эриданский? Названия лекарств на ампулах читать? Он их впервые увидит. Пульс у больного проверит? Мониторы есть. Первую помощь мы оказали, Публия сейчас трогать нельзя, не то, что везти куда-то. Очнется – скажет, что делать дальше. Тебе заняться нечем? Запусти генератор, свет включи. Выполняй.

– Есть.

Снайпер сгорбился и ушел, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу. Наилий пытался вспомнить, кто ставил ему протезы. Уж не Публий ли? Слуховой аппарат и синтезатор речи – точно он. Передовая по тем временам разработка, недавно из лаборатории. Трур, как ребенок, заново учился говорить. Месяц в стационаре пробыл, и полцикла потом на контроле. Прижилось все, заработало. Вот там капитана Назо и нужно было оставить. В стационаре. На Дарии. А генерал его с собой таскал.

Всех притащил. Рэма, Дэлию. Её зачем? Думал, так защи-

тить проще. Когда на глазах. Нет теперь. Пустая упаковка по углам медотсека, сквозняк из двери и Публий в луже крови. Нельзя ему так. Замерзнет. Нужно укрыть одеялом и подтереть кровь.

Наилий поднял фонарик и встал. Медотсек напоминал развороченный вещмешок. Если не прибраться, ничего не найдешь. Но генерал усугублял беспорядок. Выбросил из шкафов то, до чего не дотянулся Рэм. Одеяло нашлось. Ведро и тряпка тоже где-то здесь. Полы полагалась мыть дважды в день. Не могли убрать далеко. Вот. Кран тоже там, где обычно. Насос не работает, но вода в системе осталась. Текла тонкой струйкой. Хватит. Достаточно. Ладонь с тряпкой утонула в холоде на дне ведра. Генерал встал на колени рядом с Публием и начал замыывать кровь.

Сначала стер ползущие из лужи ручейки. Потом прополоскал тряпку и добрался до нижнего края. Густая жижа пахла медью. Пачкала рукава и оставляла на полу разводы. В ведре теперь тоже была кровь. И с одежды ее отстирывать придется. Нужно сейчас, пока не засохла.

– Ваше Превосходство, – тихо позвал Рэм. – Не нужно, я сам. Отдайте тряпку. В шкафах больничная форма есть, переоденьтесь пока.

– В пижаму? – возмутился Наилий, но тряпку положил. – Я посмешищем буду.

– Это форма. Только белая. Лучше в ней, чем по локоть в крови.

Подобрал же слова. В самую точку. Спугнул стаю мыслей, и она перелетела на другую тему. Наилий пошел искать. Но не форму, а сработавшую ловушку. Горело узнать, ради чего Публий получил штырь в грудь?

– Как выглядит антивирус, ты помнишь?

– Нет, – ответил за спиной Рэм. Так спокойно, будто не заметил перемены. – Думаете, его могли оставить?

– От этого зависит, в курсе ли бойцы Малха, что вирус существует, или нет. Названия еще не было. Только код. Публий отправил три банки на весь резерв.

Луч фонарика нашел опрокинутый кейс. Красный, как положено, но на боку рядом с эмблемой медицинской службы стоял еще и значок биологической опасности. Военврач наклеил, потому что вез в том же самом кейсе вирус на Эридан. Других таких же здесь не было и не могло быть.

– Пусто, – сказал Наилий и развернул кейс открытыми створками к Рэму, – они знают.

Паршивая новость. Она объясняла, почему не было штурма гостевых покоев во дворце короля. Зачем Малху рисковать жизнями своих бойцов, если можно обеспечить их таблетками и дожидаться, пока вирус убьет группу генерала? Незачем. И засаду оставлять незачем. Достаточно нескольких ловушек там, куда гарантированно кинутся в первую очередь. К медицинскому кейсу.

Наилий аккуратно закрыл его створки и положил на пол.

Из лагеря резерва пропал Остий Вир. Ушел вместе с бойцами Малха. Он знал про антивирус и был знаком с Публием лично. Если разведчик поставил ту ловушку – пожалеет, что сам не отрубил себе руки.

– Они где-то рядом, – с натугой сказал Рэм, размашисто замывая пол. – Инкубационный период может длиться две недели. Потом наше здоровье крепче, чем у лиеннов. Через сколько дней от появления симптомов они должны сдохнуть? Три? Четыре? Готов спорить на свой автомобиль, что мы протянем дольше. Итого при должном везении почти месяц. Да бойцы Малха сами за это время заразятся и сдохнут.

– Ты прав, – кивнул генерал. – Вирус за месяц успеет распространиться везде. Тем более в шахтах Северных земель, где они сейчас окопались. Десантные капсулы у них наверняка есть, но космос пуст. Мы только что проверили. С планеты им тоже не сбежать. Будут торчать здесь вместе с нами до следующего транспортника. А, значит, им нужно отнять те таблетки, что мы еще не успели съесть. Это Раз. И желательно ускорить мою кончину. Это два.

Рэм задумался, шумно отжимая тряпку в ведро. Публий спал и жмурился во сне. Бездна тянула из него силы. Выдавливала жизнь по капле крови. «Ты потеряешь всех, – обещал Создатель. – И генеральские погоны не помогут. Загадывай сейчас, кого лишишься первым».

Дэлии.

Любимую женщину он уже не увидит. Не поцелует в ви-

сок, не прижмет к себе. Вселенная не знает жалости. Если лиенны не убьют, догадавшись, кто такая, то бойцы Малха отнимут антивирус.

Публия.

Военврач крепко должен бездне за каждую спасенную жизнь. Он слишком часто оставлял её голодной. Она не простила.

Рэма и Трура.

Они уйдут вместе с ним. Преданность – приговор без права обжалования.

Себя.

Генерала без армии, звания и тех, за кого он сражался, уже не будет. У мудрецов кризис всегда ведет к смерти. Это его смысл, назначение и главная суть. Закономерный итог всего, к чему так долго готовила его Вселенная.

«Ты мудрец, Наилий» – сказала Дэлия.

«Ты права, родная», – едва слышно прошептал генерал и высоко поднял голову. Он сделает то, что от него ждут. Сам шагнет в бездну.

– Рэм, врубай аварийный маяк. Свет во всех лачугах. Бери рацию и вызывай бойцов Малха на известных нам частотах. Пусть идут за антивирусом. Мы их встретим.

Глава 5. Лейтенант Тезон Тур

Генератор Трур запустил без проблем. В лагере появилось электричество, вода и заработала система кондиционирования. Очень кстати. Беспощадное эриданское светило уже поднялось над горизонтом и принялось жарить планету. Время шло. На три таблетки антивируса стало меньше. Публия не смогли напоить. Он не просыпался. В шкафах медотсека обнаружилась инструкция к мониторам системы жизнеобеспечения. Рэм прилепил на грудь военврача датчики, и теперь его слабое сердцебиение рисовало диаграмму на экране.

Безопасник молчал. Нет, он регулярно передавал сообщения по всем частотам цзы'дарийских раций, но больше ничего не говорил. Оружие в лагере ожидаемо не нашли. Принесли все, что было в броневице. В единственное окно лачуги поставили снайперскую винтовку Трура, и он устроился за ней разглядывать в оптический прицел мост через ручей и лес за ним.

Бойцы Малха знали, что их ждут. Рэм в эфире был зол и нецензурен. Лучшее, что они могли сделать – подогнать артиллерию и раздолбить лагерь снарядами издалека. Однако один нюанс мешал им так поступить.

Если они не предъявят труп Наилия, то его объявят про-

павшим без вести. И тогда назначение Советом преемника отложится минимум на цикл, а это долго. Малх – не единственный претендент. Начнется возня, появятся коалиции среди генералов, они выдвинут своих марионеток и даже Друз Агриппа Гор уже не сможет помочь.

Нет, бойцам Малха крайне необходимо узнать мертвого генерала в лицо. Генетическая экспертиза им не поможет. В походных условиях её не сделать. А, значит, убивать будут осторожно и эстетично.

– Ваше Превосходство, – негромко позвал Трур. – Лейтенант со стороны леса на девять часов. Один. Идет медленно. Прикажете снять?

– Нет пока.

Генерал встал ближе к оконному проему. В полевой бинюх погоня на цы'дарийском военном комбинезоне не разглядел, но характерную офицерскую осанку гостя узнал. Переговорщик? Или он только собирается изображать переговорщика, чтобы попасть в забаррикадированный медотсек без проблем? Спокойно идет. Не дергается и не озирается.

– Под Шуи, что ли? – проворчал Рэм. – Смертник? Обмотали гранатами под комбинезоном и к нам запустили?

– Лейтенанта?

– Легко. Комбинезон с чужого плеча. Я лично весь легион Малха в лицо не знаю. Хотя майором его наряди.

Близко он все же не подошел. Остановился на деревянном мосту и полез в карман. Медленно. Демонстративно. Знал,

что за любое резкое движение он получит пулю. Брони на нем нет, а «бочку» снайперская винтовка пробивала, не замечая. В кулаке что-то черное. Лейтенант поднял предмет над головой и растопырил пальцы.

– Рация, – доложил Турр, и через мгновение в медотсеке раздался скрежет помех эфира.

– Позывной «Рэм», говорит лейтенант Тезон Тур. Легион Тулия Малха, управление разведки, седьмой специальный отряд, третья звезда. Я хочу поговорить с генералом Наилием Орхитусом Ларом.

Все-таки переговорщик. Руки он держал на виду, не уходил с моста и был уверен, что привлекает к себе максимум внимания. Блокатор у генерала отработал, адреналин привычно растекался по венам. В сознании, будто карта нарисовалась, где с тыла вне зоны обзора снайпера ползли на пузе в высокой траве те, кого прикрывал лейтенант Турр.

Напролом не полезли. Боялись.

– Лейтенант Турр, слушаю тебя, – сказал в рацию Наилий.

Адреналин уверенно достигал пика. Все замерло за мгновение до того, как грянет оркестр. Дирижер поднял «палочку» и зажал кнопку вызова на рации.

– Я пришел сдаваться, Ваше Превосходство.

Лихо. Только, кто ему поверит? Рэм фыркнул, Турр улыбнулся, ненадолго оторвавшись от прицела. Наглость лейтенанта граничила с безумием и была признаком профессионализма у разведчиков. Они могли до хрипоты спорить, что

деревья умеют ходить, и ни один детектор не показывал лжи.

Наилий держал палец над кнопкой радиации и думал. В шаге от победы сдаваться глупо. Но допустим, лейтенант говорил правду, и это не попытка внедриться к генералу в группу. Тогда прийти он мог, только если за ночь изменились обстоятельства. Какие, например? Новый приказ Малха? События во дворце Таунда? Лиенны расправились с неучтенными войсками в Северных землях, и теперь от генерала некого прятать? Осталось легализовать живых и можно попытаться соскочить с наказания.

Нет, Малх всегда доводил начатое до конца. Отступать ему некуда. Значит, лейтенант пришел с чем-то другим.

– Заходи, поговорим, – сказал Наилий в рацию и отпустил кнопку. Допросить его нужно в любом случае. А там уже решать, что делать с информацией.

Рэм молча достал из-за пазухи цзы’дарийские браслеты и выбросил в окно. Разведчика они вряд ли удержат на месте, но чувствовать себя вольготно в медотсеке не позволят. Места мало, он один против троих, и это не эридане с лиеннами.

– Рэм, обыскивать будешь, в задницу загляни, – посоветовал Трур. – Есть у разведчиков миниатюрные бомбы, которые они любят прятать в труднодоступных местах. Отвернешься, он её достанет, грохнет об пол, а сам в дверь выпрыгнет. Взрыв нас не убьет, но контузит. Если лейтенант решил брать Его Превосходство живьем, то самое оно.

– Понял, – кивнул безопасник и достал из кармана метал-

лодетектор. — Жаль, Публий в отключке. Ректальные осмотры по его части. Он бы лейтенанту все кишки размотал.

— Ему и так хватит, — улыбнулся снайпер.

Разведчик за окном поднял с земли браслеты и деловито застегнул их на запястьях. Руки так и держал перед собой, когда Рэм вышел из медотсека. Металлодетектор пищал практически на каждый карман военного комбинезона и безопасник методично выбрасывал находки. Штык-нож, походные столовые приборы, ключи. Ничего необычного. Стандартный комплект.

— Чист, — коротко подвел итог безопасник и жестом пригласил лейтенанта внутрь. Держался гость по-прежнему уверенно, взгляд не опускал. Одет был с легкой небрежностью, которую позволяли себе бойцы, надолго застрявшие в полях. Однако щеки чисто выбрил и уложил волосы. На парад собрался? Или к генералу шел, как в последний бой? Обычай со времен первых поединков за звания. Оба участника ходили в терму и надевали новую форму. Он до сих пор соблюдался. У Наилия на этот случай всегда лежал в шкафу вещмешок с запасной рубашкой и брюками. А парадный китель он и так держал чистым и отглаженным.

Сегодня подготовиться не получилось. Таунд запретил носить военный комбинезон, а гражданский комплект залил кровью Публий. Генерал сидел перед лейтенантом в больничной рубашке и штанах на резинке. Но Тезон Тур привычно вытянул спину и почтительно кивнул:

– Ваше Превосходство.

– Садись, рассказывай.

Наилий ногой пододвинул к нему табурет и молча смотрел, как разведчик устраивается на краю сидения и складывает руки на коленях. Рэм и Трур встали так, чтобы видеть его, выход из медотсека и окно. Бластеры держали у бедра, но лампочка заряда горела синим. Разведчик хмуро огляделся, задержавшись на медике, прикрытом одеялом. Пустой кейс лежал рядом. Сработала ловушка.

– Я прибыл на Эридан месяц назад, – не спеша начал он. – Мой лагерь на противоположной стороне от дворца короля. Поначалу боевые задачи были стандартными. Мы слушали, наблюдали и записывали разговоры ключевых объектов. А потом пришел приказ уйти в глухое подполье. Ни с кем не контактировать, лагерь не покидать, а всех кротов отправить в автономку. То есть надеть маскировку и внедриться.

– Сколько их у вас? – спросил безопасник.

– Было пятеро, один умер. лейтенант Каст. Он изображал служанку принцессы Имари. Я принял его звезду в дополнение к своей.

Тот самый крот, убитый Рэмом.

– Где он сейчас? – осторожно спросил разведчик.

– Мы сожгли его тело, – ответил генерал. – Образцы для генетической экспертизы взяли.

Тезон прикусил губу и молчал некоторое время. Струя воздуха из кондиционера шевелила светлые пряди волос и

высушивала пот на лбу. Разведчик тер большим пальцем левую ладонь. Рефлекторный жест, выдающий не до конца подавленную нервозность.

— Я удивился, когда следующий приказ получил напрямую от полковника Малха. Он прислал координаты лагеря резерва и приказал устранить находящийся там личный состав. Срок исполнения стоял: немедленно. А в комментариях короткое пояснение: «Бойцы в сговоре с лиеннами и угрожают безопасности генерала».

Лейтенанта слушали, не перебивая. Труп успевал смотреть в прицел винтовки, а Рэм чутко реагировать на любой шум за стенами медотсека.

— Не подчиниться я не мог, — продолжал разведчик. — Поднял звезду, и мы выступили к лагерю. Просветили его тепловизорами, а там связист и пленник в клетке. Больше никого. «Тьер, что за ерунда?» — подумал я. Боевой бластер сменил на парализатор и вырубил связиста. В клетке сидел целый капитан. Остий Вир. Он подтвердил, что резерв помогает лиеннам, и мы опоздали. Бойцы ушли брать штурмом покои дворца.

Складно врал разведчик. Пока все выглядело логично, факты выстраивались в цепочку и мотивация не хромала. Наилий сложил руки на груди и кивнул:

— Дальше.

— Капитана мы выпустили, а вместо него в клетку посадили связиста. Браслеты одевать не стали, укололи снотвор-

НЫМ.

– У тебя медик есть? – перебил генерал.

– Бывший, – осторожно ответил Тезон Тур. – Сержант Тит. Служил санитаром в медчасти, а потом переквалифицировался.

– Резко как-то.

– Я сам удивился, когда личное дело изучал, – пожал плечами разведчик. – Из медицины не уходят. Она на всю жизнь, как и разведка. Но у Тита были личные причины.

Наилий старался не смотреть на Публия, чтобы не давать лейтенанту крючок, за который можно зацепиться. Он обязательно предложит помочь раненному, и у тех, кто играет против генерала станет на одного ценного заложника больше.

– Продолжай.

– Так вот, – разведчик, наконец, оставил руки в покое. – Резерв мы нашли быстро. Они действительно стояли под стенами дворца. Штурм мог начаться в любой момент, времени слушать их разговоры не было, ровно как и желания стрелять по своим. Я знаю, что приказы исполняют, не задавая вопросов, но их нужно внимательно читать. – Тезон склонил голову на бок и хитро прищурился. – В тексте сказано «устранить», а не «убить». Бойцов у меня было меньше, но резерв рассредоточился. Не знаю, может, что-то искали. Практически по одному мы их и сняли парализаторами.

– Хочешь сказать, весь резерв жив? – фыркнул Рэм.

– Так точно. Они в нашем лагере сидят в клетках, как кадеты в столовой. Плечом к плечу. Кормим их, развлекаем разговорами, но на связь с кем бы то ни было выходить не даем. Устранили их. Приказ выполнен.

– И как мне это проверить? Твое слово мало стоит.

– Так позвоните командиру резерва лейтенанту Грону, – улыбнулся разведчик. – Ради доказательств я сниму с него запрет на общение.

Вот и главный козырь. Генерал усмехнулся, любуясь, как словно по сценарию в окно медотсека заглянуло эриданское светило. Полосы света легли на ноги разведчика и поползли выше. До головы и нимба светлых волос не дотянулись, остановились на груди. Хотелось включить с планшета торжественный марш. Нет, лучше сразу приказ о награждении составить. Месячное денежное довольствие в трехкратном размере устроит? Или нужно больше?

– Я позвоню, – пообещал Рэм. – Схожу за телефоном и позвоню. А ты пока дальше рассказывай. Зачем десантную капсулу вывели из строя?

Радость из разведчика, будто злые эриданские духи выпили. Выдержки хватило, чтобы не запаниковать, но настрой сбился. Отвечал он уже не так уверенно:

– Никак нет, Ваше Превосходство. Не трогали мы капсулу. Из лагеря уходили, она исправна была. Следы взлома есть?

– А хорошо играет, – похвалил Трур. – Я почти поверил.

Тезон медленно обернулся к нему и поджал губы. Званий бойцов группы генерала он не знал, погон на плечах не было. Как обращаться к снайперу? Офицеры среди них тоже были. Да и снайпер ли это? То, что возле винтовки сидит, ничего не значит. В десантной капсуле шесть мест, а цзы'дарийцев в медотсеке четверо. Минус капитан Остий Вир, где еще один?

– Пересчитал нас? – спросил генерал. – Давно заметил, что одного не хватает?

– Заложника, – сощурился разведчик. – Он в маске был.

Четыре оставшихся во дворце крота без дела не сидели. Разведка, которую Малх в отчетах пытался выставить ни на что не годной, работала как надо. А лейтенант под дурака косил. Не понимал он, о какой десантной капсуле речь. Говорил о той, что в лагере резерва, а про неисправную у стен дворца упорно молчал.

Все молчали и держали паузу. Тишина в нужный момент доводила до срыва быстрее пыток. Тезон Тур терпел изо всех сил, но взгляд метался от окна до двери и по лицам бойцов группы генерала. Одного нет. Того самого в маске. Если Остий Вир успел пообщаться с лейтенантом, то он знал, чего бояться. Допроса, против которого бессильна профессиональная стойкость разведчика. Мудрецу даже прикасаться не нужно. Может, и стоять рядом не требуется. Генералу мерещились разведчики в траве возле лачуг лагеря, а лейтенанту кто? Мудрец Тиберий?

– Ваше Превосходство, разрешите обратиться? – совсем

тихо спросил Тезон Тур. – Он действительно ваш сын?

Наилий вздохнул. Образ разведчика, державшего ситуацию под контролем, рассыпался, словно камни с перевернутой доски для игры в Шу-Арлит. Не видел Тезон всей картины, перехвалили бойцов Малха. Конечно, оставался шанс, что лейтенант мастерски притворяется, отсекая то, что ему не выгодно по легенде. Резерв спас, а капсулу угробил, подставив генерала под пьяных и озверевших лиеннов? Не простит такого командир и внедрение сорвется. Жаль, нет Дэлии рядом. Ложь Остия Вира только она смогла почувствовать.

Но Остий – опытный разведчик, а Тезон Тур выглядел мальчишкой. Не по внешним данным, нет. Наилий со своим искусственно остановленным старением на семнадцатом цикле казался моложе большинства бойцов. Его возраст выдавали другие вещи.

Привычка решать за всех и приказывать меняла реакции. Делала его спокойным даже на всплеске адреналина. Ситуация сейчас была критической, но у генерала не первой. А у Тезона, судя по всему, единственной. Он мог выпрямить спину и смотреть прямо, но расширенные от ужаса зрачки прятать не умел.

– Про ловушки в лагере ты тоже не в курсе? – ровным тоном спросил генерал и кивнул на раненого Публия. – Инструкция, я знаю. Был обязан сделать. Но штырь под кейсом – это подло. Кто еще мог к нему кинуться кроме медика?

Разведчик подобрался и замер, как на построении. Зрачки

стали меньше, а в голос вернулась твердость:

– Обстановка не предполагала нападения на лагерь, Ваше Превосходство. От мародеров и случайных гостей защищались. Параграф пятнадцать восемь. Только нелетальные ловушки. Шокеры нажимного действия и капсулы со снотворным газом отдельно на цзы’дарийцев и отдельно на представителей других рас. Перед медотсеком шокер поставили, чтобы местных отпугнуть. Вдруг дети? Наедятся наших таблеток, кто откачивать будет? Я знаю, что медики неприкосновенны. Даже в мыслях не было ставить ловушку под кейс, клянусь.

Браслеты на запястьях разведчика моргнули красным. Подскочило кровяное давление. Он сам едва ли заметил, что повысил голос. На одну «адреналиновую свечку» в медотсеке стало больше.

– У меня есть комплекты арбалетных ловушек, но они в арсенале под замком. Не знаю, как доказать. Могу каждую ловушку найти и обезвредить, отчет с оружейника потребовать...

– Тише, тише, – приложил палец к губам Рэм. – Чего раскипятился? Никто бластером тебе в висок не тычет.

Тезон закрыл рот и медленно выдохнул носом. Несколько мгновений сидел молча, пока лампочки на браслетах не перестали мигать.

– Я знаком с капитаном Публием Назо. Приносил ему цветы и подарки для дариссы. Командир попросил и я... – раз-

ведчик еще раз выдохнул и продолжил на полтона тише. – Не важно. Я бы никогда не причинил ему вред. Медики неприкосновенны.

Лейтенант впервые опустил голову с того момента, как переступил порог медотсека. Может, у генерала чутье пропало, и паранойя ушла в отпуск, но он не чувствовал лжи. Его противостояние с Малхом было логичным только для них двоих. А для остальных даже не гражданская война, а непонятная стычка. Не был Тезон врагом. Такой же свой, как бойцы резерва. И оттого решать, верить ему или нет, было еще сложнее.

– Почему лагерь не свернули? – спросил Наилий. – Оборудование, медикаменты, палатки, личные вещи – все бросили.

– Не успели. Виноват, Ваше Превосходство. Полная клетка пленников, задачи по наблюдению никто не снимал, приказы странные. Личному составу на все не разорваться. Инструкция допускала поставить ловушки. Я и поставил.

Снова прямой и открытый взгляд. Разведчик не торговался и не пытался себя выгородить. Докладывал так, будто уже сидел на трибунале. Все решения принимал сам. Сам же и пришел за них отвечать.

– Куда Остий Вир-то делся? Целый капитан разведки, почему он не принял командование?

– Связь с капитаном Виром потеряна, Ваше Превосходство. Пленный резерв из-под стен дворца я отправил в свой

лагерь. Потом взял одного бойца и вернулся в этот лагерь. Связист под снотворным так и спал в клетке, а капитан пропал. На связь не вышел, на позывной не отвечал. Я забрал связиста, быстро поставил ловушки и ушел разбираться с пленниками.

Снова правильно и логично. Не за что было цепляться, кроме пробелов в осведомленности. Генерал думал, стоит ли в лоб спрашивать про антивирус. Таблетки из кейса Публия исчезли. Штатное обеспечение не тронули, а единственный по-настоящему ценный медикамент кто-то забрал. Он же поставил ловушку, если верить клятвам Тезона.

– Ваше Превосходство, разрешите вызвать моего медика, – попросил разведчик, облизывая сухие губы. – Он поможет ухаживать за раненым, пока с транспортника медицинскую гондолу не спустят.

– Нет транспортника, – не посоветовавшись с генералом, признался Рэм. – Пусто в космосе.

Ответ достиг цели. Реакции Тезона поплыли. Лицо с профессионально-бесстрастным выражением, вытянулось от удивления.

– В смысле «нет транспортника»?

Наилий язык прикусил, чтобы не ответить стандартной шуткой про смысл. Разговор и так на последних фразах граничил с бессмыслицей.

– Тебе повторить, лейтенант?

– Никак нет, – нахмурился разведчик. – Я ждал транс-

портник, как влюбленная дарисса на космодроме. Разве что платочком не махал. Полный лагерь бойцов, сухпайки на исходе. Лейтенант Грон настаивал, что местную пищу нельзя есть. Ссылался на ваш устный приказ. У меня тоже раненый. Второй крот пострадал в перестрелке на церемонии демонстрации чистоты. По расписанию следующий транспортник через две недели. Он не дотянет.

Публий тоже. Будь у него чуть больше времени, верить бы разведчику не пришлось. Он не сказал ничего из того, в чем нельзя убедиться, устроив рейд или замучив его перекрестным допросом. Но генерал уже понимал, как сильно ему нужна такая правда. Резерв жив, разведчики Малха – не предатели. Транспортника нет, но есть медик, который поможет Публию. И достаточно бойцов, чтобы устроить погоню за Рагнармом и Дэлией.

Сказка? Подарок от вселенной?

Сыр в мышеловке.

Картина, нарисованная Тезоном, напрочь убивала замысел Малха. Без приказа уничтожить генерала или хотя бы взять его в плен возня вокруг родия была впустую. Всё, начиная со слива информации партизанам через Балию. Сложнейшая многоходовка сломалась о верность лейтенанта разведчика Тезона Тура? Так не бывает.

– Труп, за старшего, – приказал Наилий. – Рэм, на пару слов.

Разведчик не шелохнулся. Ждал такого исхода. Бежать

ему пока незачем, а снайпер, если что, думать не будет. Бластер в руках.

Безопасник просигналил, что чисто. Можно выходить. Из-под кондиционера в жару генерал нырнул, как в духовку. Тело мгновенно покрылось потом, и глаза пришлось закрыть ладонью от яркого света. Периметр просматривался через боль. Вокруг лагеря было по-прежнему пусто, но торчать на открытом воздухе мишенями все равно не стоило.

– Пойдем к связистам, – распорядился генерал. – Не нравится мне ничего. Грон из плена не сбежал, Остий все бросил, лейтенант хорош, как демон.

– Да, яйца у него крепкие, – согласился Рэм, пристраивая шаг и не выпуская из вида кромку леса. – Сам пришел, сдался, в рассказе ни разу не ошибся. На любой чих объяснение. Так складно врать очень тяжело, а он – мальчишка.

Чуть старше Дэлии. Цепкий, толковый, хозяйственный. Мог и не рассказывать о бытовых проблемах, но они словно сами из него лезли. Кружили в голове стаяй и мешали думать, пока не стряхнешь их словами с языка.

– Я понял, почему Малх его выбрал, – заговорил генерал, поднимаясь по ступеням лачуги в палатку связистов. Из духоты обратно в холод хотелось окунуться как можно быстрее. – Ты заметил, как он цитирует Инструкцию? Номера параграфов наизусть знает. Ночью подними – вспомнит. Прилежный до отвращения. Готов спорить, что карьерист, и сюда напросился за званием. По ночам снятся капитанские по-

гоны. Насущные дела, вроде заботы о личном составе, они подвинуть не в состоянии, но в глобальных вещах глаза застилают. Блестят золотом и манят, манят. Приманили. Вот он шанс. Приказ лично от полковника Малха. О безопасности генерала речь. Такое раз в жизни бывает. Хватайся за бластер и почувствуй себя героем. Рэм, да он обязан был перестрелять весь резерв, не задавая вопросов. Гарантированная реакция. Что его сбило?

– Остий Вир? – пожал плечами безопасник.

Кресла возле столов с оборудованием казались ледяными. Установка вхолостую сканировала пустой космос. Мертвый экран, брошенный лагерь, тяжелый ребус.

– Нет, Тезон нужен был ему в состоянии тупого оружия. Наверняка он говорил мало и только соглашался. Лишь бы не сбить с порыва выслужиться. Другое что-то. Мальчишка, мальчишка...

Дэлия просила не впадать в глубокие раздумья. Боялась, что генерал сам себя задавит харизмой. А без привычной медитации он словно пешком шел в гору, толкая перед собой броневик. В головоломке не хватало деталей. Её вообще не было. Посреди эриданской истории болтался вырванный из череды событий кусок с рассказом Тезона Тура. Логичный сам по себе, но не пришитый больше ни к чему.

– Он проговорился, Рэм. Выдал себя, а мы не заметили. В тот момент, когда жаловался на загруженность. Помнишь, ворчал, что пленников много, наблюдать за дворцом нужно,

приказы странные? Приказы. Это не обобщение. Он слишком прилежен. И если приказ от Малха был всего один, то так бы и сказал. Но нет.

– Кроме резерва ему еще и нас приказали убить?

– Не ему, – улыбнулся Наилий. – Резерва мы лишились сутки назад, Тезон не стал бы так долго ждать со штурмом дворца. У него изначально не было такого приказа. Малх верно просчитал мальчишку, но испугался его молодости. Какой дурак доверит убийство генерала вчерашнему кадету?

– Зато капитану доверит, – блеснули черные глаза Рэма. – Преданному до готовности идти под пытки. Остию Виру.

– Которого раскрыли слишком рано из-за мудреца в группе. Привязали к регулярному приему антивируса и оставили одного. Ближе не подобраться, дальше не отойти. Что делают, когда первоначальный план срывается?

– Придумывают новый, – лысый стервятник улыбнулся самой безобразной из своих улыбок, – а от прежнего остаются хвосты. Прилежный мальчик лейтенант, каким-то чудом узнавший, что на самом деле замышляют против генерала. Умный, гаденыш. Помешать Остию он не мог, капитан сбежал. Генерал все еще жив. Если Малха отдадут под трибунал, то размотают всех его бойцов, забытых на Эридане. И тогда прилежному лейтенанту не видать карьеры. Померкнут капитанские погоны.

– А если генерал умрет, то всех, кто знал имя убийцы и заказчика покушения так и оставят на Эридане. Их уже нет

ни в одних документах. Жить захотел Тезон Тур. Вот и пришел сдаваться.

Глава 6. Сонный плен

Наилий держал в руках рацию и повторял про себя: «Подожди. Подумай. Проверь». Мастер горного интерната любил загадывать кадетам загадки. Ходил по тренировочной комнате вдоль сидящих на полу мальчишек и монотонно зачитывал вопрос. Первый, кто даст правильный ответ, получал вольную. Право на полдня уйти из интерната. Кадеты орали все, что придет в голову. Пытались просто угадать. Мастер зверел. Бил каждого посохом и повторял: «Подожди. Подумай. Проверь». Бывало, двадцать раз успевал ударить прежде, чем загадка поддавалась.

Наилий ждал. Если Тезон по вопросам почувствует, что его проверяют, то, как флюгер, поймает направление ветра и все подтвердит. Любую ерунду. Лишь бы генерал поверил и успокоился. Не получится так.

Поверить вообще едва ли получится. Паранойя на марше, кругом враги и предатели. Слишком высокие ставки, слишком мелкие и осторожные шаги приходится делать. А нужно лететь в пропасть. Прыгать, расправив крылья.

– Тезон, какой телефон ты оставил лейтенанту Грону? Диктуй номер.

Динамик рации в ответ зашумел помехами. Благословите несуществующие боги общий радиоэфир для выбранной ча-

стоты. Разведчику неудобно в браслетах держать рацию, но снайпер должен помочь.

– Есть, Ваше Превосходство, – раздался звонкий голос. – Один момент. Тит, вызывает Тур. Отправь бойца со спутниковым телефоном к лейтенанту Грону.

– Отвечает Тит, – ворчит басом сержант. – Есть.

Радиус действия у раций ограничен. Между двумя лагерями цзы'дарийцев расстояние больше, чем они способны покрыть. Сержант Тит пришел вместе с командиром и ждал приказов в укрытии. Качественно спрятался, приборы Рэма его не видели. Значит, были бойцы, ползущие в траве, не помешалось генералу. Тезон, конечно, герой, но прикрытие себе обеспечил.

– Рэм ты знаком с Гроном? Не по досье и списку подвигов, а лично?

– Так точно. С училища еще. Надежный боец.

– Проверить сможешь, это он отвечает по телефону или кто-то другой?

Анализатора голоса при себе нет, образцов для сравнения тоже. Тембр у цзы'дарийцев практически одинаковый. Изредка встречаются очень высокие голоса, как у Друза Агриппы Гора, или очень низкие, как у сержанта Тита. Среднюю гамму при желании легко подделать даже без специальных средств. Тезон готовился к разговору. Время на то, чтобы создать фальшивого Грона, у него было.

– Понял. Сделаю, – ответил безопасник.

Через полчаса разведчик продиктовал цифры. Генерал набрал номер и включил громкую связь. В другом лагере звонок ждали, ответили сразу.

– Лейтенант Грон, слушаю.

– Калдыришь на посту, собака плешивая? – гаркнул в телефон Рэм. – Почему флашток на два пальца ниже норматива? Давно в клетке не сидел, щенок облезлый?

– Ты после плена у гнарошей волосы успел отрастить, Рэм? А говорили, что не восстановятся после той дряни. С чего такой борзый? – расхохотался командир резерва. – Рад слышать, ты не представляешь как. Рванул бы в лагерь Шуи с тобой выпить, да не пускают меня. Инструкция у них.

– Это лейтенант Грон, Ваше Превосходство, – будто извиняясь, пожал плечами Рэм.

Микрофон прикрыл ладонью, но лейтенант не слушал его. Болтал без остановки.

– Там у вас Тезон Тур, чтоб его демоны в бездне задом раскорячили. Педант доморощенный. Пупок обезьяний. Ты, надеюсь, когда в браслеты его принимал, хоть пару зубов выбил?

Безопасник фалангу большого пальца прикусывал, чтобы не смеяться. Голос Грона отражался от стен лачуги гулким эхом. Настолько неуместно радостный, что Наилий расслабился и закрыл глаза. Будто дома оказался. Где-нибудь в коридорах генерального штаба.

– Целые пока зубы, – признался Рэм. – Чем он тебе на-

вредил-то?

– Да он с сестрой моей переспал! – взвился лейтенант. – Думал, убью, когда от парализатора отойду.

– Я бы убил.

– У тебя нет сестры. Как бы не браслеты, свернул бы шею подонку. Майма в слезах, мать в ярости. Стручок свой обмакнул, штаны надел и пропал. Я полцикла его по всем подразделениям разыскивал, а он на Эридан улетел. По документам в командировке на севере, представляешь? Интересный тут север. От пота на рубашке соленые разводы и вокруг одни пальмы, фрукты, полуголые дариссы.

– Север тот еще, ты прав, – на тон ниже ответил Рэм. – Как нападение ушами прохлопал? Опять, что ли, на посту уснул?

– Куда там. Тезон не ходит, а по воздуху летает. Разведка, демонов ему в душу. Выскочил на меня будто из ниоткуда, я слюни по подбородку и развесил. Лежу парализованный, отдыхаю. Связали нас по рукам и ногам, в кузов эриданского грузовика сложили и повезли. Долго мы потом в лагере перепирались. Я понять ничего не мог. Какое предательство? Что там нес Остий Вир? Никто вообще не в курсе, что у полковника Малха с генералом случилось. Ну, проиграл командир эриданскую компанию, виноват. Его Превосходство сам разбираться прилетел. Так коли руки чешутся отношения выяснить, то это на посохах делается. Или я не прав? Дария в обратную сторону возвращаться начала? Какие могут быть подставы?

– Не понял, – нахмурился Рэм. – Ты о чем?

Грон вздохнул и промолчал. Жаль, почти проговорился. Наиллий палец к губам приложил, показывая Рэму, чтобы сидел тихо. Ждал. Лейтенант решал, насколько ему повредит то, что уже сорвалось с языка. С начальником службы безопасности генерала разговаривал. Не важно, как долго они дружили. Знали друг друга прекрасно. Может, поэтому Грон стал рассказывать дальше. Рэм уже вцепился. Не отпустит.

– Полковник Малх ведь на Дарии, все это знают. А Тезону на спутниковый телефон позвонил и приказ передал. Мальчишка рванул выполнять. В голову не пришло проверить настоящий приказ или нет. А когда мы с ним пособачились, стал выяснять. Связь через космос есть только, когда транспортник на орбите. Тут я не знаю деталей, извини. Короче, важно это.

Генерал знал. У спутников тоже ограниченная зона покрытия. Ни один не в состоянии дотянуться до соседней планеты. И, уж тем более, до Дарии. От нее до Эридана половина галактики. Сигнал от спутника идет на транспортник, а там через установку телепортации дальше. Нет транспортника на орбите – нет связи.

– Когда Тезон получил приказ, космос был пуст. Не мог работать спутниковый телефон, понимаешь? – продолжал Грон. – А полковник Малх говорил. Как так? Тезон бы и дальше голову ломал, но связист у него возьми и ляпни, что видел такое. Аварийные сообщения, сохраненные в памяти

спутника и срабатывающие по таймеру или по команде. Инструкции на самый крайний случай. Кто-то их запустил, и на телефон лейтенанта Тура поступил звонок с записью голоса полковника. И вроде как их можно прослушать еще раз, если набрать команду с телефона. Связист набрал, но вместо той записи пришла другая. С приказом уничтожить генерала.

Наилий давно не дышал. В деталях он ошибся, но суть угадал. Приказов было два. Тезон получил оба. На второй запросился сам, но мог услышать позже так же с чужой подачи. Малх оставался на Дарии, а на Эридане кто-то скрупулезно исполнял его волю. Вариант был пока один. Остий Вир.

– И что сделал Тезон Тур? – спросил Рэм, уже зная ответ.

– Рассказал мне, посоветовался и пошел сдаваться. В саркофаге на огне он видел такие приказы. И я тоже.

Так и хотелось спросить: «Чего тебе еще нужно, параноик?» Наилий усмехнулся и нажал кнопку рации, чтобы приказать медику Тезона бежать к Публию. Распорядиться отпустить резерв и гнать их в родной лагерь. Рассказать детали про вирус и выяснить, кто во время и после поминок контактировал с эриданами или лиеннами. Слова, что копились весь разговор Рэма с Гроном уже почти прорвались лавиной, но под правым локтем звонко пискнула установка. На экране радара возле точки выхода из телепортации появился зеленый значок транспортного средства.

– Тьер, – прошептал безопасник и, как ребенок, поскреб

ногтем экран. Значок никуда не делся. Установка повторила цикл сканирования, и транспортник сместился ближе к Эридану. – Кхантор бэй, бывает же такое.

– Что у тебя там? – спросил Грон.

– Разговор заканчивай, – приказал генерал, вспомнив, что у самого в руках рация и в эфире его слышат. – Тезон, говорит Наилий Орхитус Лар. Вызывай медика к нашему раненому. Пусть им занимается. Тишина в эфире до отдельного приказа. Отбой.

– Есть, – коротко отозвался разведчик.

Наилий бросил рацию на стол связиста и забрал из рук безопасника телефон.

– Рэм, связь с транспортником! Немедленно!

Пока он искал предателя, выяснял, кому можно доверять, установка упрямо сканировала космос. Половину ночи и все утро оборот за оборотом. Сомнений в её исправности не было. Транспортник не обнаружился внезапно, он только что вышел из телепортации. Сейчас отработает автоматика и разбудит экипаж. Они выберутся из ячеек, придут в кабину, и капитан, убедившись, что экстренных ситуаций нет, вручную отдаст команду прекратить подачу сонного газа у пассажиров. Нужно успеть переговорить с ним до этого момента. Пока он – единственный офицер на борту, имеющий право принимать решения.

– Ваше Превосходство, есть связь.

– Включай на громкую.

– Борт Ка эпсилон двадцать девять, капитан Доментий Бар, слушаю.

Газ отпускает быстро, но телу нужно время, чтобы прийти в себя после телепортации. Пассажиров выводят из неё мягче, а команда несколько мгновений не различает, где сон, а где явь. Голос у капитана заспанный.

– Говорит генерал пятой армии, почему отклонились от графика?

– Виноват, Ваше Превосходство, – уже бодрее ответил Доментий Бар. – В предыдущей точке возникла нештатная ситуация. Полковник Малх приказал его ждать. Несколько часов потеряли. Подняли командира на борт и сразу к вам.

Глупо переспрашивать, но Наилий должен был это услышать.

– Тулий Малх у тебя?

– Так точно, Ваше Превосходство.

– Как же к нам щедра Вселенная, – прошептал Рэм и замолчал.

Однако рано славить несуществующих богов. То, что кажется подарком, оборачивается продуманным шагом, стоит посмотреть на него внимательнее. Никто другой в этой части галактики и не мог задержать транспортник. Только генерал или полковник. Два приказа отдал Тулий Малх и отложил по времени. Устранить резерв и убить генерала. Ждал, чтобы их гарантированно выполнили. Но не доверял исполнителям настолько, чтобы оставаться на Дарии. Лично приле-

тел взглянуть на труп того, кого не мог победить в поединке. Тьер, почетно.

– Капитан Бар, я приказываю держать пассажиров под сонным газом, – отчеканил в телефон генерал. – Ни в коем случае не отключать его подачу, пока я в десантной капсуле не поднимусь на борт и не дам на это разрешение. Повтори, как понял.

– Не отключать сонный газ до особого распоряжения. Есть, Ваше Превосходство.

Капитан не задавал вопросов. Наилий, когда собирался на Эридан, перестраховался. Туда летел на транспортнике Малха, а обратно приказом с высшим приоритетом выдернул с маршрута собственный. Из личного легиона. Чтобы знать капитана и быть в нем уверенным. Таких офицеров вербовать очень долго. Есть надежда, что Малх не успел.

– Медицинскую гондолу мне спусти в координаты лагеря резерва.

– Сколько у вас раненых?

– Двое, – подумав, ответил генерал. – Один у меня, за вторым сейчас отправлю бойцов.

– Понял.

– Сколько лететь до орбиты Эридана будешь?

Наилий знал расчетное время, но он и так ждал слишком долго.

– Сейчас выжму из маршевых двигателей все, на что они способны, и через пять часов у вас буду.

Много, но других вариантов нет.

– Жду тебя, – ответил генерал. – Отбой.

Не глядя положил телефон на стол и уставился в пустую стену. Пять часов. Поезд успеет добраться до Северных земель. Дэлию с него снимут, и она растворится среди лиеннов даже в платье чернокожей служанки. Найти он её сможет только по аварийному маяку. Если будет жива. Если маяк не отберут и не отключат. Пять часов. Успеет ли?

Опасно оставлять Малха в спальной ячейке так долго. Упустит его, и возвращаться с Дэлией будет некуда. Паршивый выбор. Бездна и все её демоны, до чего же поганый нужно сделать выбор!

Наилий закрыл глаза и в памяти снова зазвучал голос Создателя. Тихий, въедливый. «Кто я? – страшный вопрос. Ты шестьдесят циклов знал на него ответ, а теперь нет. Если вдруг покажется, что справился, вспомнил, то придет второй вопрос: «Что я делаю?». Переломишься, ответишь честно, подумаешь, что все в порядке. Мир стоит, как прежде, и ты знаешь свое в нем место. Выдохнешь, обрадуешься и вот тогда окончательно попадешь в тупик. Из которого я тебе обещаю, что не сможешь выбраться. Над тупиком будет вывеска: «Зачем?»

Зачем ему Малх, родий, генеральские погоны и возвращение домой, если Дэлия умрет?

Зачем транспортник на орбите, зачем приказ держать полковника в сонном плену? Зачем он рвался туда, где сейчас

сидит долгих шестьдесят циклов жизни? Зачем?

Потому что он – генетическое чудовище и родился в лаборатории? Нет.

Потому что его все детство учили быть генералом, и он больше ничего не умел? Нет.

Потому что он сам хотел забраться на вершину лестницы званий? Нет.

Стандартные вопросы закончились, и генерал почувствовал то, чем его пугал Создатель. Тот самый тупик, из которого нет выхода. Пустоту.

Не где-то там, в бескрайнем космосе, нет. Пустота была внутри его.

Он отдаст под трибунал Малха, и что будет потом? Новый Эридан, другие проблемы, кампании, поединки, стрельба, плен, спасение... Когда-нибудь он выйдет на свой последний поединок. Как хотел – в белом парадном кителе, еще не остыв после термы. И посмотрит на того, кто станет новым генералом. Пусть им будет лучший из всех офицеров. Лучше, чем он.

Жизнь закончится. Он закроет глаза и сознание угаснет. Ничего не заберет с собой в бездну. Даже любовь своей женщины. Так зачем все было? С самого начала, с первого вдоха на руках акушера. Зачем? За... чем.

Создатель обманул. Ответ есть и он до безумия прост.

Затем, чтобы когда-нибудь почувствовать себя счастливым. Обнять детей, поцеловать любимую женщину. Пустота

генерала наполнялась светом и оставалась теплом в груди. Если для того, чтобы встретить Дэлию, он должен был стать генералом – он им стал. И больше Вселенной от него ничего не было нужно. От своего счастья он в двух шагах. Он их сделает.

– Рэм, поднимешься в десантной капсуле на транспортник и будешь контролировать, чтобы Малха никто не разбудил. Грон за старшего в обоих лагерях. Ловим транспортник на орбите, и я уже из него спускаюсь в Северные земли за Дэлией. Быстрее не получится. Никак.

– Понял, Ваше Превосходство. Сделаем.

Глава 7. Три ведьмы

Аварийный маяк греется в ладони. Зажегся несколько часов назад и ничего. Не спешат цзы'дарийцы спасти нас с принцессой, а больше никто не увидит алую точку на радаре. Лиенны с техникой не дружат. Поездом управляют захваченные в плен машинисты. Рагнар ходит в голову состава ругаться с ними, возвращается и срывает злость на двух выживших кровниках. Мы слышим их очень хорошо. Закрывать дверь Имари запретили. Вождь пришел с ломом и раскурочил замок. Никто не смеет прятать от него то, что он считает своей собственностью.

Имари плачет от страха. Чем ближе к Северным землям, тем сильнее. Трижды вздрагивала, когда Рагнар заходил в купе, но он не тронул жену. По обычаям лиеннов свадьбы не было, но на бумагах давно стоят подписи. Формально она ему жена, а фактически нет. Нужна брачная ночь. Их первая. Поэтому принцесса плачет.

Не понимаю, как её успокоить. Рагнар груб, зол и не сдержан. Сомневаюсь, что Малх обращался с ней так же. У цзы'дарийцев не принято насиловать женщин. Я знаю всего одно исключение. Лично с ним знакома. Друг Агриппа Гор. Но Малх не такой. Иначе принцесса не повторяла бы его имя, обняв себя руками.

– Киара, где же он? Эта твоя штука точно работает?

– Да, нэлла.

Я активировала маяк после разговора с Кукловодом. На вопрос придут ли за нами бойцы генерала, он ответил «нет». Ответ правдив и однозначен. Варианты толкования спрятаны в вопросе.

На планете остались неучтенные войска из легиона Малха. Бойцами генерала считаются те, кто был со мной в одной капсуле, плюс мертвый резерв. Наилий мог побережь своих и отправить тех, кого успел найти, пока я сидела в поезде. Тогда придут не его бойцы, а чужие. Прицепиться еще можно к слову «придут». Если они прилетят, приплывут или приедут на другом поезде, то Кукловод правильно ответил «нет».

И есть третий вариант. Кукловод ответил так, потому что хотел, чтобы я включила маяк. В последнее верилось быстрее.

– Где же? Где? – нервничает принцесса, оставляя ногтями темные лунки на плечах. Рагнар не может ходить по поезду вечно. Скоро он вспомнит про жену.

– Как тебя зовут, дитя? – В дверях купе стоит мать Рагнара и тянется ко мне. – У тебя есть имя или черные господа забыли дать?

Опускаю голову и начинаю рисовать пальцами одну букву за другой.

– Тебе язык отрезали? Я не понимаю, что ты показываешь.

– Её зовут Киара, – отвечает из угла купе Имари. – Слу-

жанкам запрещено говорить рядом со мной.

– Глупость, – хмурится лиеннка. – На пальцах всего не объяснишь.

– Им не нужно. Они слушают и повинуются.

– Рядом с тобой, значит, – задумчиво повторяет мать Рагнара и дергает меня за платье. – Ну-ка, пойдем со мной.

– Нет! – вскакивает Имари. – Моя служанка останется здесь!

Но мать Рагнара устала от её условий и обычаев эридан. Она упряма, а я слишком слаба, чтобы сопротивляться. Когда дергает еще раз, просто встаю рядом с ней.

– Умница, – хвалит лиеннка. – А ты сиди, нэлла. Жди мужа.

Имари смотрит с отчаянием приговоренного к смерти, но я больше ничего не могу для неё сделать. Мне нужно беречь своих детей и не лезть в новую драку. Чудеса бывают. Даже дикие звери нежны со своими самками.

– Сюда, сюда, – подгоняет лиеннка, открыв двери соседнего купе.

Там на красных диванах сидят, одетые в бархатные костюмчики, маленькие принцы. Старший Ритор и младший Лурд. Они заняты игрой. В руках у детей ярко-желтые планшеты, и на экранах что-то мельтешит.

– Дети, поздоровайтесь с Киарой, – воспитательным тоном требует мать Рагнара. Бесполезно. Я одета, как служанка, и принцы хорошо это знают. С прислугой не говорят. – Я

сказала, поздоровайтесь! – с нажимом повторяет лиеннка, но в ответ снова тишина. – Ужасное воспитание. Их мать нужно пороть.

Баляя сейчас места себе не находит. Ни одна мать не вытерпит разлуки с ребенком. С ума сойдет от беспокойства. Как он там? Кто его кормит? Чем? Ему нельзя орехи. И молоко только козье. А если упадет? А вдруг обидят?

Принцы не выглядят несчастными. Они так малы, что едва ли понимают, зачем их похитили. На столике под окном игрушки и сладости, по диванам разбросаны вещи. Мать Рагнара со вздохом их собирает и аккуратно складывает стопкой.

– Садись, Киара, здесь иначе не развернуться. Придумали же повозку. С виду такая большая, а внутри тесно.

От сладостей принцев пахнет ванилью. Я тяну носом воздух и пытаюсь успокоиться. Не думать, что сейчас будет еще один допрос. Устраиваюсь на диване рядом с Лурдом, и живот урчит от запах еды.

– Ох, тебя не кормили? – ворчит лиеннка. – На, возьми.

Кладет мне на колени сверток и отгибает край упаковочной бумаги. Даку. Ритуальный хлеб, отравленный вирусом. Тело реагирует быстрее мыслей. Я стряхиваю с себя хлеб, как ядовитую змею. Он летит в проход между диванами и катится куда-то под столик. Грязный теперь. Никто есть не будет. Я надеюсь.

– Что случилось? – хмурится мать Рагнара. – Тошнит? Ра-

но еще. Или при хозяевах есть тоже нельзя?

– Такое нельзя, – вру ей чуть хриплым от долгого молчания голосом. – Не для нас пекли.

Принцы не реагируют. Смотрят в планшеты и не торопятся одергивать заговорившую служанку. Им все равно, что кто-то нарушает запреты взрослых. Их это не касается.

– Ну, наконец-то. Я уж думала ты и, правда, немая. Читать я по-вашему не умею, а поговорить нужно. Но сначала ты будешь слушать. – Мать Рагнара садится напротив меня и складывает морщинистые руки на коленях. – Я расскажу тебе интересную историю. У нас её называют легендой о трех ведьмах.

Голос лиеннки убаюкивает. Наверное, дома она рассказывает сказки, как добрая бабушка. Баюкает в колыбели и гладит по голове: «Спи глазок, спи другой». Мне нельзя спать. Я боюсь пропустить момент, когда за мной придут спасатели. Уже не важно, какого цвета у них будет кожа, лишь бы вырваться из поезда с Одержимым и его матерью-ведьмой.

– Давным-давно на Эридане жили боги, – говорит она. – Жестокие, но справедливые. Они недолюбливали своих детей лиеннов и постоянно посылали им испытания. То засуху, то наводнение. Бывало, горы уронят, а потом поднимут новые из земли. Устали лиенны, но кто же сладит с богами? Пошли они тогда к священному камню Данду и взмолились. «О, мудрый камень, видевший рождение богов, стоящий на Эридане с сотворения мира, если ты не знаешь, никто нам

не ответит. Как изгнать богов и жить свободными?» Рассердился камень, что лиенны недовольны богами и сказал: «Если не хотите испытаний, я заберу их у вас, но взамен оставлю одно единственное. Последнее». Согласились лиенны, застучали радостно по камню, а он снова заговорил: «То будет конец мира. Высохнут реки, земля станет бесплодной и каждый живой лиенн падет».

У всего есть начало и конец. Оттого в любой культуре центральные мифы – о сотворении и о конце мира. Деталей множество, но суть одна. Все умрут. Явится чудовище из бездны, звезда потухнет, земля расколется или грянет последняя война. На Дарии тоже верят в конец мира. А еще у нас есть Поэтесса. И пока она не предсказала что-то подобное, я не верю легендам.

– Опечалились лиенны и упали на колени перед камнем, – продолжала мать Рагнара. – «О, великий Данду! Умоляем! Заклинаем жизнями наших детей, отсрочь конец или дай надежду». Сжалился Данду и сказал последнее наставление: «Тогда спастись сможете, когда править вами станет рожденный в пламени, а подле него будут сидеть три ведьмы. Белая, черная и последняя. Одна будет любить, вторая помогать, а третья смерти желать. Которую выберет – та судьба и ждет мир».

Маленькие принцы наострили уши, но быстро вернулись к планшетам. Короткая сказка, не интересная. Зато я цокаю языком на последнюю фразу. Уникальная легенда. Настоль-

ко, что не может считаться предсказанием о конце мира. Она допускает спасение и дает инструкцию. Больше похоже на то, что пишет Поэтесса в стихах. Волю Истинных.

– И кто же был рожден в пламени? – спрашиваю лиеннку. – Рагнар?

– Великий вождь, – поправляет она. – Ты должна называть его именно так. Да, я родила, когда в доме начался пожар. Все разбежались, бросили нас, дым заволакивал комнату. Я исторгла дитя из чрева и вынесла на руках.

Чудо, что она не задохнулась. Хотя пожар может быть преувеличен. Велик соблазн притянуть рождение сына к тому, что сказано в легенде. Если в неё верит племя, то дом можно специально поджечь. И вот он – великий вождь.

– Вы назвали себя последней ведьмой, – осмеливаюсь спросить. – Почему?

– Я извела остальных, – улыбается лиеннка и берет со стола игрушку принцев. Пластиковую звездочку, которая крутится вокруг своей оси и блестит под лампами купе. – Они были слабыми и не годились на то, чтобы помогать или любить, а той самой белой могла оказаться любая.

Внутри игрушки подшипник. Я слышу шуршание металлических шариков. Мать Рагнара трогает пальцами грани и звезда вращается. Все быстрее и быстрее.

– Тогда зачем вам черная? – задаю главный вопрос, а игрушка замирает в руках ведьмы.

– Я думала, что черная – она, – мать Рагнара тычет паль-

цем в сторону купе, где осталась Имари. – Противилась свадьбе, отговаривала сына, но он уперся. Тогда я сорвалась из дома и приехала в позолоченный сарай, чтобы посмотреть на ту, о ком говорила легенда. Девчонку нашла. Глупую, крикливую и заносчивую. Она не ведьма.

Понимаю разочарование лиеннки. Сын для неё – небо и звезды. Она носила его на руках, пока был маленький, и теперь все время рядом. У неё нет мужа, любовника, брата и отца, по привязкам я вижу только Рагнара. Единственного мужчину. Смысл её жизни. И делить его с кем-то она не намерена. Тем более с той, кого считает недостойной. У Имари нет шанса завоевать её любовь. Эриданская принцесса получит только опеку, контроль и постоянные претензии. Не так посмотрела, не то сказала.

– Вся её забота – рожать детей, – продолжает лиеннка. – Но ты другое дело. Я видела того духа, что ты подселила в моего мальчика. Он присосался к его сердцу и пил жизнь. Боялась, не вытащу. Могучий дух, но мои покровители сильнее. Как ты его называешь?

– Лех.

Не вижу смысла скрывать. Она его не просто знает, но и может выгнать. Невидимкой мертвый вождь племени каннибалов уже не притворится. Да и другие тоже. Взгляд ведьмы впервые пробирает до дрожи. Чувствую, как Инсум реагирует спазмом в нервном сплетении. Неуютно духам.

– Я амулет для сына сделала. Больше ты его разум не под-

чинишь, — ведьма отводит взгляд и вздыхает, а мне становится легче. — Но я не знаю, что с тобой дальше делать.

Я тоже не знаю. Без помощи харизмы Наилия мой подселенец долго в чужом теле не продержится. Да и вряд ли туда попадет. Энергии мало, и мне нечем пополнять резерв. Я подпитываю себя воспоминаниями, но это как лить воду в высохшее озеро маленькими ложками. На разговоры с духами хватает и больше ничего. Я бесполезна для лиеннов.

— А с белой ведьмой что будете делать? — спрашиваю мать Рагнара. — Искать дальше?

— Да, дитя. Легенда туманна. Её многие толковали, но истинный смысл знает только сам камень Данду. Я думаю, он говорит о выборе. Подле вождя будут три ведьмы. Любовь, забота о народе и смерть. Когда настанет конец мира, он решит, что ему важнее. Любовь к женщине — глупость. Такая цель недостойна великого правителя. Женщин много. Каждая может раздвинуть ноги и подарить мужчине блаженство. Это их природа, их суть. Она настолько важна, что больше ничего не требуется. Только отдавать себя и рожать детей. Самки всех животных поступают так же. Нет разницы. У мужчин иное предназначение. Они создают, ведут за собой, побеждают богов. И для всего этого не нужна женщина. Она вредна для истинного предназначения мужчины.

Да, конечно, в глазах многих женщина не полноценна. Она — лишь придаток мужчины. Его тень, прислуга, игрушка. Собственной воли — ноль. Ценности тоже. Я долго спо-

рила с мудрецами, что это не так и устала. Не хочу. Просто слушаю дальше.

– Рагнар должен выбрать свой народ или его ждет смерть. Нас выгнал с нашей земли голод. Мы думали, на сытом и богатом юге всем хватит места, но ошиблись. Черные господа захотели сделать нас белыми рабами. И поставили над нами других белых. Тринадцать лет мой Рагнар борется и с теми, и с другими. Я плакала, когда он заключил мир и захотел в постель черную дочь глупого короля. Он отвернулся от своего народа и теперь ему грозит беда.

У лиеннов нет центральной власти. Одержимый смог договориться с вождями других племен, и они признали его лидером. Империя держится на его силе. Существует, пока вассалы довольны сюзереном, а Рагнар взял в жены не дочь одного из вождей, а эриданскую принцессу. Лишил вассалов возможности породниться с ним и претендовать на власть.

– В народе зреет бунт? – спрашиваю у лиеннки, и она кивает.

– Замышляют многие, зарятся на трон Рагнара, как на кусок пирога. Да не по размеру рта. Подавятся.

А вот здесь она не права. Всех правителей свергают одинаково, и Рагнару уже уготована его участь. Заговорщики пришлют убийц. Если он не найдет их раньше, разумеется.

– Вы устранили всех ведьм, – говорю матери вождя, – значит, белой среди вас точно нет. Но кто сказал, что она – живая женщина? Камень Данду мог предупреждать о заговоре.

Вы спасете сына, если найдете тех, кто замышляет против него. А Великий вождь потом спасет свой народ. Я помогу вам, но у меня два условия.

– Говори, – замирает и смотрит на меня лиеннка.

– Первое – черное должно оставаться черным, а белое белым. Я останусь подле вас и великого вождя в своем платье и буду неприкосновенна. Никто не навредит моим детям и не захочет надругаться надо мной. Не смешает белое с черным.

– Хорошо. Я даю тебе свое слово и защиту. Дальше.

Облизываю пересохшие губы и прислушиваюсь к стуку колес. Поезд несет меня по эриданской земле, будто Истинные за поводок тянут. Не сойти мне с этих рельс. Я дважды пыталась найти предателя. Первый раз на Дарии, но полукошачья пара меня переиграла. Второй раз здесь и снова не справилась. Увидела Балию слишком поздно. Испытание не пройдено, урок не усвоен. У Вселенной безграничное терпение, она будет снова и снова повторять задачу, пока у меня не получится. Только так можно чему-то научиться.

– Я умею не только подселять духов, – рассказываю матери Рагнара. – Вижу связи между лиеннами, эриданами, цзы’дарийцами. Тонкие нити эмоций и намерений, след от поступков. Ненависть и желание убить привязывают заговорщиков к великому вождю черными канатами. Я увижу их, если возьму за руку каждого, кто может что-то замышлять. Одного за другим. Помогите мне сделать это, и я найду белую ведьму.

– Это все? – удивленно спрашивает лиеннка и отвечает, почти не думая. – Я помогу тебе. Ищи ведьму и не бойся за себя и детей.

Сделка не скреплена ничем, но словам последней ведьмы я верю. У неё хорошо получается отбивать меня от лиеннов и собственного сына. Если сможет доказать Рагнару, что я полезна, то выиграет мне время. Иначе в Северных землях не выжить. Как только Имари выйдет из поезда на конечной станции, служанку у неё отберут. А куда потом денут? Отправят домой? Хотелось бы, но вряд ли. Смысл был тогда вести с собой? Штат прислуги у лиеннов не предусмотрен. Дружить со мной принцессе не позволяет статус.

Значит, Рагнар подарит меня кому-нибудь. Кровникам, например. Я помню, как они заглядывались на эриданок, мечтая обнять или ущипнуть за едва прикрытое тканью бедро. Экзотическая игрушка, которую так долго не разрешали трогать. Сколько их будет на меня одну? Десять? Двадцать? Желательно вручить подарок на глазах у Имари. Чтобы строптивая жена поняла, какая участь её ждет, если вздумает и дальше упрямиться.

Хороший план. С воспитательным эффектом. Но ему не суждено сбыться. Как только кровники задерут моё платье и увидят голые ноги, сразу забудут, что собирались сделать. А Рагнар вспомнит про белую ведьму. Если не придушит на месте, то покажет цзы'дарийцам вместе со всем маскировочным добром. А что будет дальше, даже моей фантазии не

хватает представить. В бездну такой финал. Мне нужен могущественный покровитель. Очень нужен.

Благодарность за мной не заржавеет. По готовой схеме эмоциональных привязок в ближнем кругу Рагнара можно найти много чего, кроме кандидата на роль белой ведьмы. Старая вражда, считавшаяся угасшей, а она цветет пышным цветом. Друзья, мечтающие свергнуть. Враги, подобравшиеся слишком близко. Женщины, обманом добывающиеся расположения.

Последнее особенно нравилось звездам. Еще со времен психиатрической клиники помню, с каким удовольствием персонал узнавал, кто с кем спит. Листочек с моей первой схемой затерли до дыр. И периодически приходили спрашивать: «А это правда? На самом деле так?» Да, на самом деле. Так что развлечение для матери Рагнара и её свиты обеспечено. Хотелось бы, чтобы меня спасли раньше, и это не понадобилось, но я обязана думать минимум на шаг вперед.

Лиеннка все-таки меня накормила какой-то отварной крупой, заверив, что прощѣ еды в этом поезде нет, и черная госпожа не будет ругаться. Принцы от неё отказались. Доели сладости, выключили планшеты и легли спать. Мать Рагнара устроилась, сидя рядом с ними, а я осталась у окна.

Отчаянно клонит в сон, но еще держусь. В темном купе вспыхивает свет от фонарей вдоль железной дороги. Реальность загорается ярким днем и снова скатывается в беспросветную ночь. Упрямо и ритмично. День, ночь, день, ночь.

Наилий рассказывал, что вахты под утро самые тяжелые. Организм отказывается подчиняться и выключает тебя без спросу. Только что просматривал периметр и уже кто-то будит пинками: «Встать кадет!»

Серая рассветная дымка заливает купе. Руки на столике затекли, тело замерзло, и я с ужасом понимаю, что пропустила прием антивируса. Продремала до утра. Адреналин подсакивает, как у генерала. Ногтями отдираю край перчатки и пытаюсь вытряхнуть контейнер с таблетками. Сейчас. Еще чуть-чуть. Ну же!

Поезд стоит. Он монолитно возвышается над рельсами, и даже ветви деревьев за окном не колышет ветер. Приехали? Носом прилипаю к стеклу, пытаюсь разглядеть что-то кроме низкого кустарника и эриданской равнины. На станции должен быть перрон, другие пути, здание вокзала, наконец. В животе холодеет, и я начинаю выскребать контейнер из перчатки быстрее. Поезд остановился посреди перегона в пустынной местности, не доехав до пункта назначения. Или Рагнар со злости убил машинистов, или нас захватили цзы'дарийские военные. Не хочу думать, кому они верны. Нет времени доставать сержку Имари и спрашивать у Кукловода. С трудом проглатываю на сухую таблетку антивируса, и дверь купе со щелчком открывается.

– На выход, – командует один из кровников. – Сагай-дат-ирна, собирайте детей.

Выглядит он паршиво. С трудом представляю, чтобы Шуи

творила с цзы'дарийцами то же, что огненная вода с лиеннами. Кровник шатается, скребет всклокоченную бороду пальцами и смотрит мимо меня мутным взглядом. Пахнет от него хуже, чем от туалета в поезде, но симптомов действия вируса нет. Здоров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.